

ИНСТИНКТ САМОСОХРАНЕНИЯ

Елена Робертовна Счастливицева родилась в Москве. Архитектор, генпланист, работает в архитектурной студии. Прозаик, публиковалась в журналах РЖД, «Север», «Гостинный Дворь», «Традиции & Авангард», «Новый журнал», коллективных сборниках русскоязычных авторов «Скифия», сборнике «Заповедная строка» Государственного заповедника «Брянский лес». Лауреат второй премии Международного литературного конкурса имени В.Г. Короленко (2013), конкурса «Молитва» (2022). Живёт в Санкт-Петербурге.

Глава 1

— Бежать! — хлопнув дверью, Петя ворвался в свой уютный семейный мирок. Вздвогнув, зашумел холодильник. Прервав паузу и заливая слезами окна, забарабанил дождь по жестяному подоконнику, часто-часто. Только маятник напольных часов, сдавленный узким деревянным футляром, бесстрастно и однообразно отмерял время.

Дочка подняла на Петю ангельски голубые глазки и пролепетала на своём языке что-то похожее на «привет», продолжив прерванное занятие — рисование кружочков. Когда у кружочков с разных сторон появлялось по четыре палочки, они превращались в человечков, головоногих, в туловище Маня им отказывала.

— Так, Петя, немедленно объясни, что всё это значит? Почему у тебя такие мокрые и грязные джинсы, а? — размеренное течение жизни его жены грубо нарушилось.

Грязными оказались не только джинсы, но и куртка, тошнотворно вонючая, рваная. Мало того, левую ногу Петя подвязал шнурком по верху раздолбанной мокрой кроссовки, а окоченевшая красная пятка и большой палец выглядывали из просверленных дырок пропитанного водою носка!

Создавалось впечатление, что Петю протащили по щебёнке; выдирая траву, проволокли по раскисшим от дождя газонам, по мутным лужам, скрывающим выбоины асфальта, песок и гранитные осколки. Затем его пинками затолкали в центрифугу, с усилием защёлкнув прозрачную дверцу и выставив головокружительное число завывающих оборотов.

— Упал... Аня, собирайся! Скорее! — Петя плюхнулся на стул, проворно вскочил и тут же сел, глаза бегали, руки, послушно сложенные на коленях, дрожали.

— Иди мойся и переодевайся! Сейчас же! — к шкафу она его не подпустила, следы на полу пресекала, достав и протянув чистую одежду.

Петя послушно убежал в конец коридора их петербургской коммуналки, в общую ванную. Довольно скоро послышался нарастающий топот пяток.

— Они уроды, понимаешь? Уроды... — Петя лихорадочно тёр ошестинившиеся мокрые волосы полотенцем.

— Ты о чём?

«Чокнулся, — Анино раздражение медленно перетекало в насторожённость, а затем в страх: — Избили, по голове дали! Тронулся! Лучше бы он напился и обдурлся! Господи, что с идиотом делать?!»

— Им всё равно, кого убивать.

— Что?!!

Аня в ужасе отшатнулась, но в Петиных щенячьи преданных глазах дрожали слёзы, их было так много, что они покатались по бледным щекам, оставляя кривые влажные дорожки. Петя сполз на пол и, закрыв глаза, засопел, уткнувшись Ане головой в колени, ища защиты в тёплом женском естестве. Но он не находил её. Он не мог забыться, спрятаться от страха, как в детстве, у мамы на руках, на коленях, за спиной.

— Семёныч дал команду меня убрать...

— Куда?

— Убрать — значит убить. Семёныч дал команду меня убить, — внятно и членораздельно, как если бы речь шла о сугубо бытовом вопросе, объяснил Петя и сдурся.

Петина слабость, раздавленность против воли заставляла Аню улыбнуться. Расплывшись, неуправляемые губы застыли, и глаза устали куда-то поверх обхватившего колени притихшего мужа, лицо окаменело, превратилось в маску. При этом ни садистского удовольствия, ни

превосходства, пусть даже временного, над мужем, обессиленным, опустошённым, она не чувствовала, во всяком случае, оно не могло вызвать удовлетворения, ощущения прилива новизны и даже радости. Это было нежелание, неспособность принять бытие, приторно-желанный ужас перед ним, приправленный наивной верой в счастливый конец, — самозащита. Замерев в точке излома прошлого и, возможно, будущего, она улыбалась.

— Ты шутишь?

— Хотелось бы, — усмехнулся Петя. — Зароют где-нибудь в лесу поглубже. Как там у них делается? А тебе скажут, что высадили у метро, предложат помощь в розыске, телефон оборвут, справляясь, сотку долларов дадут от щедрот своих... — Петина фантазия не чувствовала границ.

— Ничего не понимаю...

— Завтра утром Андрей повезёт меня за Выборг на дачу Семёныча, якобы на авторский надзор, следом за нами пойдёт машина с забойщиками, — Петя со вздохом обречённо посмотрел снизу вверх на Аню, и его поникший покорный взгляд в момент стёр с её лица улыбку, и на губах почувствовался вкус слёз. — На обратном пути всё и произойдёт.

— Андрей? Почему Андрей?

— Он у них правая рука и мозг тоже.

— Мне казалось... Нет, Андрей не может, он...

— Херувимов среди них нет, — Петя не придумал никакого значения её сомнениям, он всё так же сидел на полу и, как верная овчарка, прижимался спиной к ноге Ани.

Дочка, не прислушиваясь к разговорам взрослых, увлечённо скрипела фломастером, часы тикали, дождь стучал. Ничего не менялось, невзирая на зарождение или угасание его жизни, которой осталось всего-то на полдня, может, чуть больше, дальше бездна, его бездна.

Когда он бежал домой, как в убежище, жизнь его была длиннее на час или два. Редкие прохожие, обезличенные уличным освещением до теней, не запомнили его, и он, скользя взглядом, не впускал их в свою обрывающуюся жизнь. Для них неизменно завтра, для него — нет. В чужих домах хаотично зажигались и гасли окна и то ли от ветра, то ли от тоски, играя бликами, дрожали сквозь слёзы в его глазах. И если одна из слезинок, отяжелев, скатывалась, то окошко сияло ярче, оставаясь при этом на своём месте.

Петя молчал, внимательно изучая извилистые трещины в старом, красного дерева, рассохшемся паркете, истоптанном сотнями чужих ног, чутко откликающемся скрипом на самый лёгкий шаг.

— Так я и не решился поменять паркет, — он был опустошён, он

устал. — Понимаешь, если я уйду один, они доберутся до вас, чтобы выманить меня. Они не поверят, что ты ничего не знаешь... Что они с тобой для этого делают, тоже известно... — сделав глубокий вздох, он замолчал. — Ну, ты прости меня, что я так вас подставил... — и он заглянул ей в глаза снизу вверх, ища в них себе оправдание. — Выбирай, могу исчезнуть из твоей жизни, прямо сейчас, — голос его звучал неубедительно, понуро.

Петя обмяк и покорно ждал. Он поступит так, как скажет Аня. Его любовь к ней была так велика, что лишала сил, делая зависимым.

— А мне куда деваться с ребёнком, здесь оставаться или к маме? — Аня совершенно не готова была к подобным событиям.

— Не знаю, — Петя притих и, съёжившись, смотрел на неё.

Сегодня утром будильник прервал его сон, в кромешной темноте провёл черту под ночью, директивно установил день. Минут пять, приходя в себя, Петя пытался найти причину, по которой вторник никак не может быть воскресеньем и почему не удастся нырнуть в сон, под одеяло, запыхтеть, засунув нос в тепло, чувствуя, как сознание приятно и плавно покидает, сменяясь лёгкими бессвязными видениями.

За окном лил дождь, не просто лил — извергался, смывая

и поглощая все уличные звуки. Только темнота, только бесконечно льющаяся с низких чёрных небес бесцветная вода: тоска и безысходность. Сейчас Петя соберётся с духом, поставит себя вертикально и деревянной походкой выберется за отделяющую спальную зону от остальной комнаты ширму, растиражированный в эпоху модерна недорогой фанерный экземпляр, а ныне антиквариат.

Аня с дочкой так сладко, беззвучно спали, что желание остаться с ними, а не тащиться на улицу в холод и дождь сделалось совершенно нестерпимым, но Петю ждут в Красном Селе в девять, в крайнем случае, в половине десятого. Поливаемый дождём, сутулясь и шлёпая по лужам, он пойдёт по пустынным улицам до Техноложки*, поднимется по её красным гранитным ступеням и поползёт глубоко под землю на эскалаторе от одной факелоподобной лампы до другой, чтобы на следующей станции вынырнуть на поверхность под дебаркадер Балтийского вокзала и, ощущая вселенскую сырость и промозглость, сесть в электричку, таращась в темноту окна захлопывающимися глазами, бояться уехать в на фиг не нужную Пудость.

По Красному Селу он шагал уже почти энергичной походкой, а утихающий дождь редкими каплями стекал с кашпоша куртки, повисая на кончике носа, как

на водопроводном кране. На следующую объект, на Шпалерную, Петя явился совершенно бодрым. Одновременно у него обычно ремонтировалось семь-восемь квартир, наведаться на них необходимо было не реже чем через два дня: оценить, что и в каких количествах купить, проконтролировать процесс, иначе беда. Могут кафель уложить и забыть про тёплый пол — или не забыть, но при этом перерубить кабель, перепутать ввод холодной и горячей воды; в общем, одни ошибались или даже халтурили, но отвечать приходилось Пете, в том числе и деньгами.

Ремонтируемый офис пацанов был по счёту третьим объектом на сегодняшний день, но не последним. Пацаны — это Витя и Семёныч, петербуржцы в первом поколении, а в недавнем прошлом осуждённые за особо тяжкие суровые кореша из города Себеж Псковской области. Они зубами выгрызали деньги, бизнес вели большей частью «правильный», то есть «они кого-то», а не наоборот; в общем, парни шли вперёд, тех, кто попадался на пути или путался под ногами, они убирали, зачищая своё пространство, и душевные переживания их не отягощали. Толчком бизнеса ребят послужила перепродажа армейского Ми-8. Вырученные и не пущенные на ветер средства они частично вложили в дело, в результате образовался холдинг, несколько

фирм, связанных с продажей оптом чего-то кому-то, рубкой леса, скупкой земельных участков и со всем тем, что плохо лежит или плавает. Представительства холдинга располагались и в Себеже, и в Бежецке, и в Торопце — везде, откуда родом были ключевые фигуры бизнеса или их родня, но головной офис в Питере. В организацию кроме Семёныча с Витей входили мужики куда менее влиятельные, выполняющие специальные функции, а также летучие спортивные, непостоянные по составу отряды уличной братвы, друзей детства, корешей с зоны, из самого сердца России, в том числе и пригретые на малой родине.

Ребята обстоятельно покорили Питер: после отсидки с лёту обзавелись жёнами и семейными гнёздышками — клоповными прокуренными коммуналками в престижном центре. Новая жизнь устраивалась с размахом, крепко, на века, вступая в фазу «евростандарта», доселе неведомую, в том числе и в самой Европе. Плёночные потолки всех расцветок, вплоть до самых ядрёных, затягивали следы сбитой предшествующими переселенцами лепнины, историческая кладка скрывалась под гипроком или замуровывалась центнерами штукатурки, выравнивая поверхности в ноль, образуя идеальную коробку для жилья, начинённую новоприобретёнными вещами, ещё сохранившими запах

заводской упаковки, гладкими, без единой выбоины, без прикосновений рук бывших владельцев, без истории.

Как при любой смене формаций, под прошлой жизнью проводилась черта, её не перешагивал ни один семейный раритет, люди и вещи начинали новый временной отсчёт. Бывшие профессорские и буржуинские квартиры, облюбованные в своё время пролетариями и перекроенные на новый лад фанерными перегородками, приобретали новых владельцев. Проводниками неискущённых пацанов в новый мир были архитекторы, Петя с Аней. Деньги текли пацанам рекой, только черпай, при этом ребята понимали, что такая картина не вечна, надо успеть урвать, купить квартиру, построить дачу, а потому Петя работал в режиме «давай-давай».

С малой родины, из дощатых бараков с выгребными удобствами, выстуженными морозами и выдуваемыми ветрами, выписаны были пацанские мамы, воспитавшие дитятей, давшие своим чадам путёвку в жизнь. По воле сыновей мамам предстояло стать жительницами исторического центра культурной столицы, где любили и страдали герои почти половины литературных произведений России, признанных мировой классикой.

Не сразу мамы привыкли к новым жилищам: то хватятся галош резиновых, то ковшика любимого

алюминиевого, то дров. Непонятно, где что лежит! Да и неудобно с третьего этажа разгорячёнными и назююканными на улицу плясать выскакивать. Хлопотно больно по дворам собирать обессиленную, расплзшуюся родню, нагрянувшую на юбилей матери Семёныча.

В офис пацанов Петя явился почти бодрим. Он всегда старался незаметно заскочить в их контору и так же незаметно и быстро улизнуть, кивнув задеревеневшему от безделья охраннику, остерегаясь любых сближений и контактов, кроме как строительно-ремонтных. Сфера деятельности бизнесменов была до того расплывчата и неясна, что вызывала у Пети опасения. Кто они, филиал тамбовцев или дочерняя компания солнцевских? Но эти рукопожатия, похлопывания по плечу, объятия с поцелуями, эти мобильные мужские компании, их частая и лёгкая передислокация, обрывки фраз и недомолвки — всё, суммируясь, заставляло вести себя предельно осторожно.

Ремонт второго этажа пацанского офиса затягивался, необходимость часто требовала переброску рабочих на другие объекты: дачи, квартиры, в том числе и тещ, и мам. Но именно на втором этаже предполагалась наиболее важная и доступная крайне небольшому числу лиц приватная зона офиса, включающая в себя бильярдную, сауну,

джакузи, комнаты отдыха и переговоров.

В этот день Петя наверху никого из рабочих не застал. Он собирался разметить чёрным фломастером на ещё не оштукатуренных стенах места для светильников, раскидать розетки, выключатели. Неожиданно для себя задержался, провозился, переходя в полной тишине от одной кирпичной стены к другой, сопровождаемый своей уродливо изменяющейся, изломанной тенью от единственной переносной лампы. Отметив установку последней брызгозащитной розетки, он хотел спускаться вниз, но услышал, как за привычным в этих стенах матом последовал одиночный удар во что-то мягкое, вероятно, под дых, потому как неизвестный голос на хриплом вздохе выдавил:

— Блин...

Петя замер, мелькнуло предположение, что если он себя выдаст, то побьют и его, так, на всякий случай.

— Он видел тебя? — гаркнул Семёныч раздражённо и обеспокоенно. — Говори, видел?

— Видел. Я всё честно, не скрываю. Я с ним поздоровался.

— Поздоровался? Культурный выискался, блин!

— Семёныч, я чё, я думал, он из ваших.

— Наш, да не наш, — это уже Андрей.

— Блин... Задолбали по телу с утра об этом деле. Если

он донесёт кому надо, нам всем хана...

— Что конкретно он видел? — снова Андрей.

— Как я вылезал из-под «мерса», видел, и Серёгу тоже...

Петя прислушался; разговаривали трое: Семёныч, Андрей и тот, кто перед ними оправдывался, кого били. «Значит, внизу трое, не считая охраны. Попал!» — Петя вспотел от напряжения.

— Ты двери в охрану закрыл? — продолжая мысль Пети, взревел после паузы Семёныч.

— Да говорил, закрыл, не слышно там, — голос Андрея казался совершенно невозмутимым.

— Как этот тип вчера там оказался?

— Ты что, Семёныч? Сам его сосватал ему, забыл? Он слишком долго к нему шёл, ситуация поменялась, — говорил Андрей, провинившийся исполнитель молчал.

Семёныч тяжело задышал:

— Я, блин, за что тебе бабки плачу, debil? Чтоб ты следы не заметал, да? Видели его, урод долбаный, — и Семёныч разразился тирадой без единого печатного слова. — Что теперь делать? — резюмировал он.

— Сам знаешь, — это опять Андрей.

Петя не понимал совершенно ничего: кто видел, кого видел, почему этого нельзя было делать; но что он точно знал — то, что разговор этот для него не предназначался.

— Да не хочу я! Неправильно это!

— Правильно, неправильно — от исполнителей избавляются, как и от свидетелей.

— Слышал? — крикнул Семёныч.

— Да слышал, — вяло отозвался этот третий.

— Ну, ты можешь его прижать, припугнуть, и не факт, что он не побежит сам знаешь куда или не брякнет сдуру где не надо. Стопудово, не войдёт в твоё положение, — настаивал на чём-то своём Андрей.

— Если такой умный, так давай, организовывай! Кто теперь мне ремонт доделает, а?

Петя напрягся, подозрение, что крик стоит из-за него, вызвало парализующий ужас. Семёныч орал на того, кто в чём-то обвиняет Петю. В чём? Самого страшного — протечки горячей воды — нет. Пока...

— Да не ори ты, найду я тебе кого-нибудь, — Андрей явно пытался успокоить разбушевавшегося Семёныча.

— Кого ты найдёшь! Этот тип обещал к Новому году коттедж успеть! Теперь точно не успеем! Козёл!

Снизу доносились звуки тупых ударов, плевки, грохот падающей мебели, и ни единого слова, всё по-деловому, даже буднично. Петя слушал, как Семёныч молча, точно боксёрскую грушу, волтузил третьего.

Тот безмолвно и покорно сносил справедливую кару свыше.

— Семёныч, ты это, поостынь, ему завтра, может, ещё работать, — под Андреем лениво заскрипело офисное кресло: он либо устраивался поудобнее, либо ему всё надоело.

Семёныча его слова не успокаивали:

— Мне что, от чужих косяков дырку в лоб получать?! Сука! У него брат-близнец остался, да он за него полгорода перережет!

Истерику Семёныча оборвал звонок телефона.

— Витька, — рывкнул он в трубку, — двигай в офис, у нас ЧП! Да, это по поводу тех новостей, дуй скорей!

Скоро в конторе будет полный сбор, и этот сбор из-за него, а он в западне, и ублюдок — это он. Петя пытался совладать со страхом и вернуть хоть малую способность соображать, но подмывало выскочить из убежища, обливаясь соплями и ревя басом: «Мама!»

— Кончать его надо, блин, — разродился Семёныч после паузы, медленно, с явной неохотой.

Петя остекленел.

— А то. Завтра на коттедж его повезу, пускай за мной вторая машина с ребятами поедет, — конкретное деловое предложение исходило от Андрея. Видимо, он давно всё решил, но ждал, чтобы приказ отдал Семёныч, когда дозреет.

— Сегодня хорошо бы успеть.

— Не суетись. Он сейчас должен быть на квартире твоей тёщи. Можно, конечно, попробовать по пути домой его перехватить. А если опоздаем? Как из дома выманить? Да нет, не пойдёт он вечером никуда. Доберётся к ночи до дому, за целый день нажрётся и кости на кровать бросит. Ещё и не поймёт, что произошло, — Андрей не то чтобы защищал Петю, нет, он искал более рациональные варианты его ликвидации.

— Завтра утром лучше, — согласился Семёныч.

— И я о том. На обратной дороге, а на объекте скажу громко, что довезу только до метро, чтобы строители подтвердили.

— Слушай, урод, — Семёныч обратился к провинившемуся, — завтра, как только всё закончишь, вон из города. Найду — убью. Понял?

— Да понял я, понял.

Петю будут «кончать», но с их позиции, а для Пети это означает смерть завтра в первой половине дня, и всё, что случится после обеда, к нему уже не будет иметь никакого отношения. Трясуцимыми непослушными руками Петя стянул кроссовки, медленно и бесшумно раскрыл мягкий матерчатый портфель, положил их вовнутрь и так же медленно и аккуратно его закрыл. Крадучись, он пробрался к лампе и, плотно зажав руками выключатель, бесшумно надавил на него.

Лампа погасла. Больше всего он боялся неловким движением что-то задеть, грохнуть, опрокинуть, вот тогда пацанам точно не придётся тащить его в лес на Перешеек, по кочкам, мхам и ухабам, всё завершить здесь и сейчас — быстро и удобно. А куда они труп его денут? Петина фантазия пустилась в пляс совершенно самостоятельно.

На кончиках пальцев в полумраке Петя прокрался в самое дальнее помещение второго этажа, открыл окно, новое, пластиковые, им заказанное. Под окном открытой пастью стоял ПУХТО*, вчера на первый этаж офиса привезли мебель, и мусорку загрузили картоном, хотя под ним мог оказаться и битый кирпич, и стекло. Но выхода у Пети другого не было, только в окно. Как прыгают в кино, спасаясь от преследования, он видел, теперь это предстояло сделать самому. Он посмотрел вниз, оценивая шансы попасть в середину, залез на подоконник, сгруппировался, обхватив портфель, но решиться и оттолкнуться смог, только услышав звук автомобиля, из подворотни полоснувшего фарми стены домов. Свист в ушах заглушил его.

Спрыгнул Петя, как ему показалось, чрезвычайно удачно, в самую середину, и под картоном оказались не кирпичи или битая сантехника, а пищевые отходы, в преогромном количестве, хотя не самые свежие, но зато мягкие.

Ощущая влажный холод желеобразных, перегнивших, склизких капустных листьев, поселевших картофельных очистков, рыбной требухи, сероводородных соплей, яичной скорлупы, пакетов из-под того, что было кефиром, молоком и сметаной, Петя попытался понять, сломал он себе что-нибудь или нет, но внезапная боль накрыла его ватным бессилием и апатией. Чуть отлежавшись и отдышавшись, он заставил себя пошевелить пальцами ног. Вывих или растяжение? В любом случае из мусорки необходимо выбираться — и поскорее. Но там, где он только что шевелил пальцами, продолжало что-то двигаться само и гораздо более активно! Петя пощупал ногу. Нога неподвижна. Между тем шевеление и шуршание продолжалось с нарастающей силой, выкатившись наружу растущей горкой копошащегося мусора, откуда появилась крысиная морда, сверкнув равнодушно-наглыми бусинами глаз. Значит, в убежище Петя сидел не один. Сколько их там, в глубине, — гнездятся и хаотично спариваются, свиваются в клубок и распадаются в темноте, совсем рядом с ним. Тошнота от боли и омерзения едва не вызвала рвоту, сковав спазмом голодный пустой желудок. Петю охватил брезгливый холодок, как будто он пересёк черту иного существования, параллельного, омерзительно-липучего. Так вчера на него глядело нечто недоделанное, человекообразное,

выползок на мокром чёрном асфальте.

Вчера, вывалившись из квартиры потенциального заказчика на улицу, вдыхая влажный ночной воздух, Петя замер, залюбовавшись колокольней Крюкова канала, сияющей жёлтой свечкой за двойным рядом чугунных оград набережной. Он едва заметил некое существо, копошившееся у припаркованного «мерса», тщедушное, кривоногое, оно простодушно и широко улыбалось, обнажив рот с кривыми зубами, чередующимися с чёрными провалами. Шмыгнув разбитым носом, плоским, неправильной формы, как и тестообразные, прилепленные к маленькой голловке уши, оно поздоровалось:

— Здравсте.

Именно некстати проявленная вежливость явилась причиной Петиних злосключений. То, что существо ставило взрывное устройство под машину заказчика, Петя сообразил почти через сутки, сейчас, сидя в вонючей мусорке.

Накануне, далеко за полночь, тот самый заказчик, мускулистый молчаливо-мрачный тип, голова которого плавно переходила в бычью шею, устался на план участка под будущий дом, мощные кулаки без дела покоились на столе. Редко и значимо, рассуждая сам с собой, он выдавливал из себя обрывки фраз, усыпляя Петю длительными паузами. В мечтах тот уже не единожды добежал до дома, и

разной дорогой, но будущий клиент не спешил, и Петя возвращался, едва достигнув двери, не в силах разогнуться, волоча за собой руки по полу, подобно павиану или бабуину.

Заказчика между тем беспокоили относительно небольшой размер участка и намерение жахнуть на нём домину, но так, чтобы при этом хватило место и на природу, то есть на мощёные дорожки, огибающие пологие кучи альпийских горок и беседки для бесед. Пожалуй, более всего мужика беспокоила невозможность заполнить гигантское жилище. Список помещений будущего дома был предельно короток: спальня, кухня-столовая, сауна с бассейном; оставшуюся площадь занимали санузлы и комнаты для гостей. Уменьшить размеры дома не позволяло самоощущение владельца, а перспектива разместить по койкам и горшкам если не полк, то хотя бы роту, его почти печалила. Можно было выделить ещё одну гостиную и поставить туда белый концертный рояль, по примеру высших офицерских чинов Красной Армии с богатым деревенским прошлым, или устроить библиотеку, забив полки трудами первейшего российского философа Канта, но более всего хотелось послать этого тугодума подальше, а самому уползти спать, пусть даже к входной двери, на колючий джутовый коврик, свернуться

калачиком, пролежать до утра, вздрагивая и поскуливая в темноте.

«Что за звуки?» — Петя встряхнул головой для бодрости. Из глубины гостиной, одновременно, часто и мощно сливалась вода, невидимая, но хорошо слышимая. К его удивлению, необычные звуки совершенно самостоятельно исторгала колонна, причём коринфская, одиноко стоящая даже не посередине комнаты, а как-то сбоку и почти стыдливо. Ещё только войдя в комнату, Петя удивился наличию одной-единственной колонны: «Неужели для красоты?» Но сейчас понял: фанина. При перепланировке и сносе перегородок коммуналки фанина пронзила гостиную: сверху и снизу жили своей неэлитной жизнью ещё три этажа. Глядя, как заказчик открывает и закрывает рот, жестикулирует, водит толстыми пальцами по выкопировке, Петя думал, где у него в квартире врезана канализация. Если не в другой стояк, то как? Трубу под небольшим уклоном протащили и врезали под полом гостиной в колонну коринфского ордера? Загадка, а в лоб не спросишь. Но пышная позолота капители колонну не спасала, как и отвлекающее журчание специально вмонтированного в неё беломраморного фонтана слёз, роняющего капли с одной раковины на другую.

— Извините, а где здесь у вас туалет? — профессиональное любопытство лишило Петю покоя. Зайдя, куда заказчик махнул рукой, он попутно убедился, что стояк для сантехники свой, не зависящий от колонны.

По возвращении из сортира звероподобный заказчик густым басом по-детски доверчиво ему прогудел:

— Сделай так, чтобы красиво было.

Видимо, он всецело доверился художественно образованному Пете, неизвестному творцу.

Сегодня утром, судя по разговору в офисе, именно этот тип взорвался в своём «мерсе», и Петя — невольный свидетель подготовки преступления, убийства, заказанного пацанами. Карьера архитектора обрушилась в смердящих отходах и, похоже, надолго.

Как далеки от мусорки с крысами казались его полудетские мечты в крохотной комнатке квартиры матери в Северодвинске! То безмятежное время текло бесконечно счастливо. Он закрывал к себе в комнату дверь — и перед ним раздвигался целый мир! За окном лежало Белое море. Белое, потому что, замерзая, сливалось с низким бесцветным небом, а летом сверкало кудрявыми барашками в волнах и далёкими упругими спинами белух. Июньское солнце медленно всплывало почти на севере из его вод, из тёмных глубин, где

гигантскими слизнями ходили чёрные безглазые субмарины, и, совершив дневной круг, оно так же медленно спускалось рядом, расцветивая розовым ночью и молочно-белым море. И, проведя под водой чуть более двух часов, солнце вновь являлось на севере, куда втягивалось, уходило море, обнажая плоское дно, с тем чтобы возвратиться, подчиняясь извечному дыханию приливов и отливов.

Лёжа на песке в погожий тёплый день на краю земли, глядя сквозь кольшущиеся сухие травинки на бескрайнее, пронзительно-синее холодное море и такое же холодное синее небо, будущее своё, ощутимо прекрасное, Петя почти видел, особенно если закрыть глаза и повернуть лицо к солнцу. Он пытался ухватить это состояние, даже нарисовать его, но получались самолёты, подводные лодки, гигантские скаты и рыбины. Раскрашивая, он прикреплял их кнопками к стенке комнаты, и конкретные образы теснили неясные волнения.

Так началось его постепенное сближение с архитектурой. Ему грезилось свершить что-то значительное, за что не стыдно, но на последних курсах института в одночасье всё, что говорила ему мама, вода за ручку в садик, или учительница с указкой у доски, стало ложным, мечты рассыпались и, до сегодняшнего приземления в мусорку, забылись.

Первостепенную роль стали играть перепродажа сахара, женских трусов всех размеров, перчаток из Турции и отчаянный поиск партии противогазов ГП-4У, желательнее покрупнее. Возникло предчувствие коллективного умопомешательства, эпидемии чумы, конца света, вывороченного, извращённого, сулившего ад и страдания праведникам. Подобная деятельность называлась новым словом «бизнес», и у Пети с ним как-то не очень складывалось. Вскоре один из его однокашников позвал его на «панель», точнее, на панели стояли с 10.00 до 18.00 Лёша и Серёжа, бывшие водолазы. Родина в водолазах нужды не испытывала, как и в архитекторах с инженерами, оттого Лёша с Серёжей продавали не тело, а картинки, произведения искусства, так сказать. Такса устанавливалась чёткая, зависящая не столько от художественной ценности шедевра, сколько от его размера: открытка — 1\$, А4 (Спас на Крови) — 7\$.

До появления ксерокса в панельном творчестве использовался дракоскоп: толстое стекло с письменного стола и настольная лампа. Стекло укладывалось на раздвинутые колени, лампа устанавливалась на пол под стекло, и будущие акварельные виды Петербурга в эпоху, предшествующую множительной технике, прорисовались тонко отточенным карандашом по шаблону.

Если в Петиных картинках с идеальными пропорциями и перспективами угадывалась твёрдая рука архитектора, то его жена, окончившая дизайн «Мухи», в редкие свободные от домашних дел минуты писала без прорисовки, бегом-бегом и по сырому листу. Её акварели дышали, и слоистые туманы от сонной реки поднимались к облакам, и дым из избушки Russian country таял в сыром воздухе, и дорогу в поле развезло от снега и грязи. Её нечётко прописанные картинки, как лёгкие мимолётные впечатления, выхватывали и питерские открыточные достопримечательности: город под светлым, почти белым небом, без солнца, без листвы, без теней, с особым, рассеянным весенним освещением. Редкие американцы проходили мимо её картинок, как мимо забора, зато сентиментальные немцы охотно их покупали, увозя в далёкую Германию нежное послание страны, освободившейся от коммунистических пут. И как только растроганные немцы садились в свой автобус, вместо купленной акварели водолазы извлекали из чемодана полнейшего её двойника.

Однако то ли европейцев по дешёвке завалили картинами, то ли там поменялись вкусы, но живопись довольно скоро прокормить уже не могла. Петя перебивался случайными заработками, пока водолаз Серёжа,

без сожаления перекинувшийся с живописи на шапки-ушанки с гипертрофическими красными звёздами, не подбросил ему по дружбе один телефончик. Так Петя превратился в личного архитектора, дизайнера и прораба при пацанах, Вите и Семёныче, а также их ближайшем окружении, подобно Растрелли при Елизавете Петровне. Людям творческим часто перепадали не только крошки с барского стола, но даже кусочки с косточками; искусство и деньги в традиционном симбиозе шагали рука об руку. Но если Бартоломео Франческо признавал, что Елизавета Петровна — «матушка», восточная самодержица, и, во всяком случае, ими не пренебрегал, то Петя, принимая деньги от пацанов, не расставался с интеллигентски эстетствующей позицией, отмежёвывающей его от криминальных благодетелей, и, живя по прошлым, навеки исчезнувшим законам, свои финансовые отношения подстраивал под новый порядок. Он не смог трезво оценить, что жизнь, помимо его желания, резко изменилась, причём у всех, в том числе и у глухой, выжившей из ума на пару со своей собакой, а потому терроризирующей весь подъезд Зинаиды Валерьяновны. Главное, ему не хватило смелости взять и открыто выйти к ребятам, стукнуть себя кулаком в грудь, говоря: «Вы чё, братаны, я ж ваш до самой хребтины,

в натуре! Зуб даю, не сдам мусорам, расслабьтесь» — и тем самым повязать себя с ними кровным родством. Вот почему Петя в вечерний час торчал с глазу на глаз с крысой в куче вонючих объедков.

ПУХТО располагался в глубине двора, в стороне от окон офиса с пацанами, а потому они никак не могли заметить пролетевшего мешком Петю. Позже охранник обнаружит открытое окошко на втором этаже, машинально закроет, мысленно обругав того, кто забыл его закрыть, и забудет обо всём перед теликом.

Петя опасливо приподнял голову и выглянул за борт: в полумраке двор-колодец безразлично паялился пустыми пыльными или яркими освещёнными окнами на шарообразный предмет, возникший над мусоркой, то ли футбольный мяч, то ли кочан капусты. Свет фар, вытянувший автомобиль из подворотни во двор, погас. Подъехавшая машина оказалась «копейка», явно не Витина, но водитель, вышедший из неё, заспешил в офис. Петя услышал, как его подбородок мелко бьётся о металлический бортик мусорки. Сколько ещё машин подъедет? И всё из-за него!

Перекинувшись за борт, Петя сполз на асфальт, хромая и бережно наступая на большую ногу, доскакал до подворотни, с ужасом заглянул в её жерло:

пусто. Пересекая её просвет, в обе стороны по улице проезжали машины. Петя как мог бросился прочь, обнаружив только через два квартала, что без обуви, в одних носках, с новопросверленными дырками на пятке и большом пальце шлёпает по холодным лужам и шершаво-зернистому асфальту, а кроссовки по-прежнему в его портфеле.

Пристроившись к стене дома у проржавелой водосточной трубы, зигзагами уходящей к крыше, он стянул и отжал пропитавшиеся водой носки и, опёршись на больную ногу, втиснул в кроссовку здоровую. Однако больная нога распухла и не лезла. Он вывернул язык кроссовки, но мокрая нога застревала на полпути, а усиливающаяся боль каплями пота выступала у Пети на лбу. И пока он возился с носками и кроссовками, самостоятельно разыгравшееся воображение помимо воли рисовало убийственно мрачные картины: пацаны обманом забирают из дома жену с дочкой или, издевательски посмеиваясь, стоят в двух шагах, ждут, когда Петя обернётся. Или Витя заметил Петю, проезжая мимо, притормозил, и вот уже рядом не одна машина, а две, три, пацаны растут числом, лишнут друг к другу, ещё, ещё и ещё, как хлопья: три Семёныча, четыре Вити и несчётное число Андреев, заполнивших улицу до перекрёстка. И они никак не выдают себя, любители

поразвлекаться. Петя осторожно, вполборота глянул на то, что творилось у него за спиной: никакой толпы бандитов и свалки машин, редкие, косящиеся на него прохожие, подозревающие, что он пристроился к дому справиться малую нужду. Фантазии отпустили, и, со вздохом выдернув шнурки, он привязал распухающую на глазах ногу поверх кроссовки.

Кое-как отряхнувшись и сообразив, где находится, Петя устремился домой, кроссовка шмякала кастаньетой непомерного размера в такт каждому хромоту шагу. Если пацаны ничего не заподозрят и не изменят планы, в запасе у Пети ночь, но времени будет ещё меньше, иди он пешком. Надо торопиться, и он решил поймать машину, но только седьмой водитель, замшелый дед, потерявший если не зрение, то обоняние, согласился его подвезти.

— За что?! — главный вопрос. Вопрос справедливости. — Ты же столько сделал для них!!!

Ане хотелось крикнуть: «Это невозможно! Мы так старались! Мы же хо-ро-ши-е!» Последнее — истина, аксиома, внушённая ей любящими родителями в детстве. И все те, кто так не думают, обязательно осознают свою непоправимую ошибку; не сейчас, в далёком «потом», их ждёт жестокое раскаяние, но будет поздно, слишком. Она ожидала,

что Семёныч с Витей непременно отблагодарят их за верную службу без отпуска, с редкими выходными, в ритме «давай-давай», но у пацанов на этот счёт, видно, были свои соображения. Они были парнями прагматичными, лишёнными намёка как на сантименты, так и на садизм, поэтому по-деловому убирали всех тех, кто им мешал, то есть убивали и шли дальше, почти забывая или не вспоминая о прошлом, совершенно, даже после бани за пивом с воблой.

— Я нечаянно увидел то, что не должен был. Ты новости смотрела? — более Петя никак не мог пояснить Ане причину своей предстоящей преждевременной кончины.

— Зачем?

— Сегодня взорвался мой закатчик, а я случайный свидетель.

— Ты что, реально видел, как убивали человека?! — интерес брал верх над страхом.

— Нет, но видел, как готовили убийство люди Семёныча и Вити, и они об этом знают.

— Поэтому они хотят тебя...

— Все! — Петя вздрогнул. — Собираемся! Документы, где документы? — он перешёл на шёпот. — Фотографии — все с собой... — некоторое время он ещё посидел у её ног и с неохотой встал.

— Но до завтра они не придут, правда? — пульс в висках Ани стучал громче стенных часов.

— Не уверен. Лучше уйти сегодня.

— Куда?

— Не знаю, — Петя заторженно извлекал из дешёвого матерчатого портфеля прозрачные папки с эскизами, планами, обмерами, начерченными твёрдой рукой, как по линейке, и с записями ровными печатными буквами. Он подолгу разглядывал листы, где один набросок порой перекрывал другой и далее превращался в цепочку размеров, отображающих взаимозависимость расстояний между фаниной, вентканалом, дверями и окнами. Теперь вся его работа — макулатура, теперь это не преобразуется ни в задуманную планировку, ни в деньги. Он выкладывал на стол гремучие связки с ключами от ремонтируемых квартир, длинные, короткие, цилиндрические, пилообразные, — не менее килограмма, он выискивал в бесчисленных кармашках портфеля огрызки карандашей, стиральные резинки, фломастеры, скрепки, и, казалось, процесс извлечения предметов из сумки бесконечен и волнует его куда больше, чем собственная судьба.

— К Наташе пойдём, на Ваську*, — Петя решительно оборвал картонные ярлычки с указанием квартир на всех связках, кроме той, где написано: «Наташа. Васька».

Наташа, у которой предстояло найти приют, не слыла ни

сердобольной, ни отзывчивой, но ей ещё пять дней предстоит безмятежно загорать с мужем в Айя-Напе, и целых пять дней её Серёга, подобно Киприде, будет выходить из пенных средиземноморских вод на песок, кражистый, коротконогий, синий от тюремных наколок, в золотых перстнях и цепях для красоты и статуса. Особое преимущество Наташиной квартиры по сравнению с другими заключалось в том, что Витя с Семёнычем не знали о ней и с Серёгой знакомы не были, поскольку принадлежали к разным «полуспортивным» и непересекающимся группировкам.

Ещё утром ситуация с Наташиной квартирой казалась достаточно драматичной: рабочие выжали, выдавили из Пети деньги и, крестясь и божившись, что непременно всё-всё доделают, разбежались, как тараканы, свалили в свою Молдавию. Надоела им квартира, и ремонт затянулся, да и пару раз приходил Серёга со товарищи и поколачивал их: ему так сподручнее объясняться. Петя тоже бы свалил, как молдавانه, но ещё до начала ремонта, на стадии обсуждения проекта, Серёга швырнул вычерченные планы Пете в лицо с криком «Что за фигня?» и, прижав его к стене, разодрал ворот рубахи у себя, обнажив уродливо-рваный шрам на шее: «С тобой будет то же самое. Видал? Это я могилу себе копал в лесу». Серёгины

слова подействовали стимулирующе: Петя вздрогнул, хотя и не слишком сильно (годом ранее один из заказчиков уже обещал его по жизнь упрятать в яму в Чечне). И действительно, инцидент развития не получил, и хотя Серёга с планами, в отличие от цветных картинок, не ладил, он уже через несколько дней сказал Пете:

— Забери себе эту рухлядь.

Так Петина комната заполнилась ещё одним раритетом: напольными часами со стрелками, замершими на римской цифре III.

Спешно доделывать квартиру за молдаванами пришлось Пете с Аней: в ванной две плитки доложить, плитусы подклеить на кухне и в прихожей, уайт-спиритом кое-где почистить, окна вымыть, вымыть горшки за молдаванами и так далее. Имелась ещё одна проблема, о которой до сегодняшнего дня Петя боялся думать: маляр Галя не то в шутку, не то серьёзно поведала о «сюрпризе штукатурка»: в стену замуровывается сырое яйцо, желательно в спальне, там, где будет стоять кровать, поверхность затирается, клеятся обои, вселяется заказчик, яйцо постепенно созревает и начинает вонять. Зная задиристый характер Галины, Петя допускал, что ей ничего не стоит купить десяток да покрупнее, тем более что с самого начала Наташа, хозяйка квартиры, активно мешала всем,

считая себя даже не соавтором, а выше. Вот теперь после пятизвёздочного релакса ей представится возможность самостоятельно завершить ремонтные работы в соответствии со своими понятиями.

— Быстрее уходим, — Петя сбросил оцепенение. — Они ведь могут передумать и прийти сейчас.

Глава 2

Первыми в один из рюкзаков полетели выпускные альбомы в унылых дерматиновых обложках, с облупившимися золотыми номерами школ и годами выпуска, с портретами и фамилиями всех учителей и одноклассников, вслед за ними альбом «Наш ребёнок», все вместе килограмма полтора. Десятка два шершавых угольно-чёрных бумажных конвертов, легко рвущихся, целых, мятых, рваных, с разрозненными фотографиями, никак не желающими распрямляться, жёсткими, скрученными, с косыми белыми полями. Когда-то фотографии при свете рубиново-красной лампы лениво плавали в ванне, заполненной холодной водой, поворачиваясь то пустой стороной, то изображениями, минуту назад проступившими на белой поверхности бумаги и явившимися не лицом мамы, красивее и моложе теперешнего, а информацией для людей из стаи Вити и Семёныча.

Один из таких конвертов разорвался, фотографии рассыпались, как карты из колоды,

и на Аню взглянуло её счастливое улыбающееся лицо: вся жизнь — праздник, и если не сейчас, то впереди обязательно. Мутноватые и нечёткие чёрно-белые изображения прошлой жизни сменялись цветными, ликующе-яркими: родители за столом, уставленным хрустальными плоскими салатов, на фоне красного ковра на стене.

Помимо фотографий опасность представляли ещё и открытки с адресом отправителя и получателя на обратной стороне. А как ещё напомнить о себе из далёкой, заваленной снегом Кинешмы или Устюжны, дотянуться до того, кого видел так много лет назад, с кем мысленно беседовал в отсутствие встреч, считая своим близким-близким сердечком? Только поздравить с восьмым марта или двадцать третьим февраля и получить ответ, попутно сообщив о погоде, здоровье и о полузабытой, полумифической одинокой тётчке Мусечке. Под скрип мягких валенок пойти на почту по тихой улочке вдоль полукаменных двухэтажных домиков с наличниками, с кошками, сидящими на подоконниках, с пухлыми снежными крышами, ощетинившимися частоколом острых сосул, мимо заиндевевших заборов, голых кустов сирени с чирикающими воробьями, мимо берёз, вырастающих из сугробов и распустивших чёрные пряди ветвей. На почте придирчиво выбирать открытку и, наконец,

остановившись на самой-пресамой, заполнить её дома и бросить в тёмно-синий ящик, откуда регулярно и по три раза за день письма вываливаются в жёсткую брезентовую сумку, и далее каждое послание ждёт свой собственный путь. Отправив весточку, можно мечтательно представлять, как её погасят чёрным круглым штемпелем с названием далёкого города, как, отсортировав, повезут в гремучей металлической тележке по платформе, загрузят в почтовый вагон и, много дней стуча железными колёсами, повезут за сотни вёрст туда, где её ждут. Получив письмо, его нередко вкладывали обратно в надорванный конверт, не выбрасывали, хранили.

В детстве Анина бабушка самые красивые открытки вставляла в альбом, так поступали впоследствии её дочь и внучка, получилось три альбома: два старых, с мягкими и потёртыми уголками, и один поновее. Таким образом, при жизни невиннейшая одинокая тётя Муся вряд ли догадывалась о предстоящей угрозе открыток с мимозой и цифрой восемь, или румяным мальчуганом в будёновке и числом двадцать три, или ещё более румяным мальчуганом в шапке с белым мехом, на которой вместо красных звёзд написан год, такой далёкий, что с трудом верилось, что кто-то когда-то его ждал.

— Негативы, слайды, видеокассеты! — Петя вываливал в

мешок коробку со всем тем, что могло создать малейшую зацепку, вывести пытливого сыщика на след, если вскроют дверь, дубовую, филёнчатую, с латунной ручкой.

Петины клиенты в свои квартиры покупали новые двери, старинные выбрасывали. Плохо лежащие и ненужные хозяевам артефакты Петя с удовольствием тащил к себе в норку; столетние крюки, дверные и оконные ручки отскабливались от многолетних наслоений краски, ожидая в ящике шкафа своего часа, как и фаянсовая груша от цепочки сливного бачка унитаза с указанием подробного адреса домовладельца и пометкой «Собств. дом».

— Ух, чуть деньги не забыл. Деньги сейчас нужны, заработка не будет, и хорошо, что машину не успели купить, — Петя встал у окна на четвереньки и глубоко засунул руку за массивную батарею: там, на магните, завёрнутый в полиэтиленовый пакет, хранился тощий семейный капитал, в долларах, естественно. — А то пришло-о-о-о-ось бы, — Петя выдохнул, выгнулся, засунув руку поглубже, — возвращаться.

Вслед за Петей Аня искренне порадовалась, что не сбылась её мечта ни о шубе, норковой, коричневой, до пят, ни даже о дублёнке. В лёгкий пуховик она втихаря завернула увесистую чугунную шкатулку с витиеватым растительным декором и кудрявую собачку каслинского

литья, бронзовую чернильницу и пресс-папье с реликтовой розовой промокашкой.

— Холодильник надо отключить и еду забрать, — спохватилась она.

— Какая еда! Это мелочи! Забудь о ней!

Тем не менее холодильник Аня отключила и выпотрошила, помойное ведро на кухне наполнила.

— Что это? — но Петя, невзирая на вопрос жены, уже укладывал в рюкзак стянутую тряпичными завязками раздутую картонную папку с грозной жирной надписью «дело №». «Дело №» вмещало пухлую кипу чёрно-грязных ксерокопий, сделанных с таких же нечётких, размытых образцов. Прочитать (даже не изучить) такое делом было почти безнадежным.

— Библия, — пояснил он.

— Библия? Зачем?

— Библия по автокаду. Изучать будем, когда устроимся. Не век же ручками чертить. Компьютер купим, «трёшки» научимся делать.

Прекрасное будущее вспыхнуло, раздвинув унылые горизонты: Петя строит трёхмерную модель квартиры или коттеджа, демонстрирует заказчику картинку с различными материалами стен, вариантами расстановки мебели. Как далеко было свободное владение компьютерным проектированием от неряшливых, нечитаемых, серо-чёрных

ксерокопий «Библии», когда любой абзац из любой главы, кроме как из введения или посвящения ненаглядным родителям и собаке, с нечеловеческими усилиями дочитывается до конца, с тем чтобы, не запомнив и не поняв ничегошеньки, вернуться к его началу! Но Пете верилось: непременно осилит все не то шестьсот, не то восемьсот страниц мелкого технического текста, долгими свободными вечерами осилит, только ещё непонятно где.

Дочка притихла, почувствовав неладное: папа и мама бежали вокруг круглого стола, за которым она сидела, хватали одни вещи и бросали другие. Она в центре вихря и никому не нужна! Вместо них на девочку глядели рычащие резные львиные морды с волнистыми гривами, по две на каждую спинку стула. Но, видя, что взрослые куда-то и зачем-то собираются, и она принялась с усердием таскать из своего угла игрушки, складывая их на кровати. С каждым эпизодическим взглядом Ани в сторону дочери горка из игрушек значительно подрастала.

Материальный мир мгновенно поменял полярность, и трусы, и майки, и носки представляли несравнимо большую ценность, чем найденный на помойке ломберный столик со штампом Зимнего дворца, засиженный мухами дубовый буфет с витыми колонками, высокое зеркало в резной раме чёрного дерева между двух

окон, мраморная жардиньерка с бронзовым канделябром, ровно как и овальное блюдо кузнецовского фарфора, шесть томов «Истории искусств», шесть фолиантов в чёрных суперобложках, не говоря уже о поэтах Серебряного века и разрывающем сердце мамином сервизе на двенадцать персон с пузатой супницей. Бедная мама!

Комната в коммуналке с пятью соседями, только недавно купленная, с любовью обставленная в дореволюционном духе, — всё предстояло бросить, всё ненужно, всё ложно, всё не способно возратить идиллическое добропорядочное время, не знавшее ни революций, ни мировых войн. И старинная люстра — три шишки матового стекла — пустит ли когда-то в свой уютный световой круг Петю и Аню с их маленькой дочкой?

Свою цилиндрическую печку, обитую рифлёными железными листами, они так никогда и не затопят; ни морозным днём, когда окна со старыми деревянными рамами затягивает изморозь узоров, когда малиновый диск солнца низко застынет над городом, они не погреют озябшие руки; ни осенью, когда ещё ледяные батареи, и солнце, проступив сквозь сплошную завесу облаков, пробежавшись по ржавым крышам, расцветит их мягким розовым цветом или сверкнёт на металлических завершениях чаштокола труб и, заглянув в вечные лужи, скользнув по мокрой

листве, отскочит от хрустальной грани где-то в глубине комнаты, прежде чем кануть на многие дни. Не прильнут к печке, как к любимому горячему существу, в нутре которого потрескивают старые, насквозь пропитанные красно-рыжей вязкой мастикой ёлочки паркетин, принесённые Петей с одной из ремонтируемых квартир.

Оказалось, что найти в городе хорошие дрова для печки не самое лёгкое дело, баржи, гружённые ими, не стояли ни на Фонтанке, ни на Обводном. Разгораться натёрные паркетины упорно не желали, и зеленеватые язычки пламени, извиваясь в пляске, слабели, чахли и вовсе переставали выглядывать из-под мерцающих красных угольков, наполнив комнату сизым слоистым дымом.

Знакомый Пете печник Семён Серафимович, беззубый помятый мужичонка с пегой всклокоченной шевелюрой и жидкой бородёнкой, шепелявя, завернул неутешительный диагноз: элемент декоративного свойства. Топить можно, но при открытых настежь окнах: дымоход, пронзающий этажи, завален, рассохся, растрескался и через щели и пустоты в старой кирпичной кладке дым змеями беззвучно расплзался по всему дому, стелился в подвале и заполнял чердак, упираясь в проржавевшую дырявую крышу и выбираясь наружу. И казалось, если её приподнять, она потащит за собой,

всасывая, не только столб этого дыма сырых ольховых поленьев, но и крышки чайников, кастрюлек, погоняемые паром булькающих картофелин, сосисок или борща.

Искусственно созданная атмосфера Серебряного века, изнеженного цветка быстротечного петербургского модерна, в коммуналке, в безликом доходном доме между Фонтанкой и Обводным, оказалась нежизнеспособной. Не заглядывала в те края благородная публика, снимали углы всё люди попроще да победнее, хотя здесь проживала и Авдотья Карповна. Сидела она, закулёманная в коричневый клетчатый платок, у Сенного рынка на чугунке с горячей картошкой, одновременно греясь и сохраняя тепло продаваемого товара под топорщащейся над крепко сбитым задом суконной юбкой, зазывала покупателей пронзительно-дурным голосом. Негоция её процветала, а потому сожитель Карповны зарезал её, как хавронью, то ли по любви, то ли из-за денег, завёрнутых в засаленную ветхую тряпицу. Злобная она была бабуля, хоть и страдальца, выпить покойница, кстати, тоже была очень даже не дура, хряпнуть, врезать с размаху кружечку или пару и, не дождав, выудить мягкий, полый, прокисший огурец из бочки да затянуть лужёной глоткой песню жалостливую про жизнь непутёвую, загубленную.

Новое имущество Пети с Аней составили два неподъёмных рюкзака «Ермак» изумрудного цвета и две утрамбованные сумки на колёсиках, в которых годами ранее они возили в Польшу утюги, кипятильники, бинокли, ножницы-зигзаг и прочие товары, остро необходимые для трёх- и даже четырёхдневного проживания за границей. Подобная торговая деятельность, популярная в народе, широко и позитивно освещалась прогрессивными газетами и телевидением в процессе закулисной приватизации заводов и недр. Тем не менее «зарубежные» поездки давали средства к существованию или возможность купить многое из того, что сейчас будет оставлено. Как жалко всё бросать, столько трудов и мечтаний. Думалось, что всё только начинается, но оказалось — закончилось. Вернутся ли? Когда? И фикус бенджамина непременно засохнет без воды, бедный, ещё не знает.

Аня оглядела комнату: что здесь случилось? Был обыск, погром? Или жильцы поспешно эвакуировались? Завершалось второе тысячелетие, у порога стояло третье.

Закрыв дверь, взвалив рюкзак, Петя взял на руки перепуганную дочку, Ане достались второй рюкзак и две сумки на колёсиках. Не замеченные соседями, они убегали по длинному и захламлённому коридору через чёрный ход. Когда они выходили

на лестницу, узкую, затхлую, неосвещённую, во входную парадную дверь позвонили четыре раза. Это за ними! Этот кто-то из длинного ряда звонков на косяке, клавиш аккордеона с фамилиями жильцов, выбрал их звонок.

Ещё сто лет назад по ступеням чёрной лестницы вверх и вниз сновали говорливые прачки с корзинами белья, разносчики с товаром, трубочисты с металлическими щётками и метёлками, бородатые дворники в фартуках тащили то бадью с водой, то вязанку дров, кавалер спешил к кухарке, ощипывающей курицу, придиричиво обнюхивающей её, подняв за сухие когтистые ноги. Ступеньки под сапогами, валенками, ботинками, каблуками, клацающими набойками, истёрлись, прогнулись, искрошились, а перила от сотен и сотен рук источились и прогнулись. Но, как в те далёкие времена, так и в нынешние, жильцы всех квартир попеременно и круглосуточно по разного рода естественной нужде являлись на чёрную лестницу, в общие каморки на каждом этаже, с шаткими дверками, с грушевидной лампочкой в чёрном патроне. Но, удивительно, ни на одном этаже в них не сидели, воду с шумом не спускали, дёргая за фаянсовую выщербленную грушу. Темнота и тишина, и только сосредоточенное сопение Мани, понимающей важность момента, только дыхание Ани за спиной.

Прижимая к себе дочку, Петя на ощупь находил вытоптанную, продавленную ступеньку и, делая осторожный следующий шаг, холодел от мысли, что к смерти они стали ещё ближе, чем мгновение назад. На площадке между этажами он вытягивал вперёд руку и, скользя ею по шершавой облупленной штукатурке, почти ощущал, как натывается на равнодушно-крепкие накачанные мускулы под шелковистым спортивным костюмом. Не позволяя разгуляться страхам, Петя делал ещё шаг и ещё. К его груди прижималась дочка, она знала: папа её защитит. Добравшись до первого этажа, Петя с облегчением открыл входную дверь, она заскрипела ржавой пружиной и с шумом захлопнулась за ними, отрезав путь в прошлую жизнь, ухнув гулким эхом в лестничном пролёте.

Они вышли на обшарпанный пустой двор с устремлёнными в низкое тёмно-серое вечернее небо облезлыми стенами, с бельмами окон. Подобные дворы имели традиционно неправильную форму с выступами, пяти- и шестиэтажными пристройками, с глухими, затемнёнными, заплесневелыми углами и тупиками, выбивающими в конце девятнадцатого века деньги из каждого метра земли. Здесь невозможно представить фонтан или мраморную статую, залитый солнцем куст розы или даже сирени с сияющими каплями дождя на благоуханных кистях, нет, только

согбенно-аскетичную фигуру Раскольниковова с топором. Зато парадные фасады домов украшают и лепнина, и колонны, и рельефы-барельефы, но пасти подворотен открывают вход в иной мир; мерзкое и прекрасное существуют нераздельно со дней основания города.

Озираясь, торопясь, мелкими шагами Аня с Петей пересекли двор и вбежали в подъезд, где, чувствуя себя в безопасности, по шаткой металлической лестнице спокойно спустились во влажную затхлость никогда не закрываемого подвала. Пробираясь наугад в кромешной темноте, перелезая и перетаскивая сумки через пучки труб, теряя и находя вещи, преодолевая одно препятствие, с тем чтобы преодолеть следующее, они заметили неясный свет другого выхода из преисподней.

Выбрались на поверхность в доме, выходящем во двор соседней улицы. Побежали прочь под грохот катящихся сумок, застревающих в выбоинах асфальта, опрокидывающихся в разные стороны и выворачивающих руки, а бьющие по спине рюкзаки погоняли. С одной улицы сворачивали на другую, переходили дорогу, поворачивали то налево, то направо, куда — значения не имело, главное, чтобы подальше, в том числе и от метро, в противоположную сторону от Васильевского.

Выбившись из сил, они перешли на шаг, Петя опустил девочку, взял у жены рюкзак, надел на грудь, сдавив её с двух сторон мешками. Хромая, он тащил за руку дочку, дочка — горячо любимого козла с ветвистыми рогами, дизайнерскую псевдофольклорную игрушку из лозы, обмотанную блестящей медной проволокой. Та рука дочки, где папа, была высоко задрана вверх, другая, где болтался козёл, опущена. Громко шлёпая кожаными подошвами ботинок, девочка едва попевала за родителями: три её шага меньше одного взрослого. Когда она слишком отставала, отец подтягивал её, как если бы отсекал рыбу. Девочка послушно семенила, уставая с каждым шагом всё больше и больше, откинувшись назад, как на растяжке, она произвольно болтала головой в такт шагам, а её шапка с пышным помпоном рывками съезжала на глаза. Когда шапка целиком поглотила голову, Маня заревела. Аня подвернула края, поправив шапочку, но её усилий хватило ненадолго, и тихое раздражающее детское поскуливание быстро развернулось нарастающим рёвом, басом. Нежное прелестное личико покраснело, исказившись морщинистой гримаской, глазки сузились до щёлочек, из них одна за другой бежали слёзы на тугие, холодные от вечернего воздуха щёчки.

— Ну потерпи, доченька, мы тоже устали. Вон и у папы ножка...

— Корону...

— Что?

— Корону забыл-а-а-а... — заикаясь от слёз, с трудом выдавила она.

Неудобная шапочка с помпоном навела мысли об оставленной пластиковой короне Снегурочки с бордовыми и тёмно-синими рисованными самоцветами, горячо любимой и несравненной красоты. Корона надевалась настолько часто, что резинка, крепившая её, как шапку под подбородком, обрывалась и заменялась не единожды. Но, несмотря на некоторую потёртость, корона вселяла чувство исключительности; ни комбинезоны, ни пижамки, ни колготки, жёлтые, синие и зелёные, ни даже платья не обещали сказку, почти осязаемую, там, где отражение ребёнка в мохнатых домашних тапочках сливается с мечтой.

Девочка вымоталась, окружающий её мир сузился до физических ощущений, ставших безбрежным горем, и была она в нём болезненно одинока. Она горько плакала, но как объяснить ей, что плачем приковывала к ним внимание однообразно тёмных, возникающих из ниоткуда фигур, каждая из которых могла обернуться шестёркой из свиты пацанов? Кажется, пробежит мимо мужичонка, обернётся

— а это та самая ухмыляющаяся харя с перебитым боксёрским носом, с редкими жёлтыми зубами. Как затеряться, пусть даже в темноте, на широких улицах, пересекающихся под прямым углом, наследием полкового прошлого района? И никакие уговоры, ни просьбы потерпеть, ни обещания в скором времени присесть на скамеечку, которая «во-о-он там», не имели ни малейшего действия, тем более «вон там» — достаточно далеко для ребёнка, усталого, не понимающего, зачем его вытащили ночью гулять, а не уложили спать в тёплую кроватку, где ждал мягкий белый зайчик или любимая книжка со знакомыми картинками. Она не хотела гулять, она хотела домой. Девочка стояла посреди тротуара, расставив ноги, до предела раскрыв рот, икая и обливаясь слезами, прижимала к груди драгоценного козла. Петя со вздохом снял с груди рюкзак и взвалил дочку на руки, стараясь не упадать на большую ногу, чтобы не упасть и чтобы ребёнку было удобно. Получалось плохо, нога болела, очень болела, но девочка затихла. Аня побрела, надев рюкзак и волоча за собой сумки, опрокидывающиеся и выворачивающие руки и лопатки в противоположных направлениях.

Их семейство можно было принять за опаздывающих на самолёт или поезд, если бы они спешили хотя бы по направлению

к вокзалу или метро. Поймав машину, они уезжали по Измайловскому, обрывающемуся над Фонтанкой, чтобы предстать Вознесенским, и далее на Васильевский, миновав проступающую сквозь темноту белую громаду Троицкого собора с куполом, величественно нависающим чёрной полусферой над строем колонн, диссонирующим с хаотичным скоплением ржавых крыш.

Старый потасканный автомобиль и такой же водитель, не вызывая опасений, действовали расслабляюще...

— На Васильевский вам куда? — вернул их к действительности водитель, когда, следуя за потоком красных дрожащих, мигающих фар наперерез жёлтым, ярким, пролетели над бездонно-чёрной Невой, жирным угрём извивающейся от переходящей в небо Ладоги до тёмной пустоты залива.

— Угол 4-й* и Большого, — и, глядя в медленно округляющиеся глаза Ани, Петя внятно добавил: — Нас там ждут.

— Кто ждёт? — набросилась на него Аня, когда они остались одни у Андреевского рынка с выгруженными из багажника вещами. Далёкий свет в чужих окнах говорил, что их нигде не ждут.

— Это я для конспирации, — пояснил Петя.

— А поближе нельзя было место выбрать, нам же на 10-ю ещё переться!

— Ну можно, можно, перебдел. Давай уйдём с тротуара, чтобы не маячить.

Втроём они дотащились в скверике до ближайшей скамейки, утренний дождь свисал невидимыми нитями водяных капель с её реек или растекался по поверхности частыми мелкими холодными лужицами. Смахнув их рукой и вымочив край рукава, Аня вытащила из рюкзака что-то, на ощупь похожее на свой самый ударный свитер, но сейчас это значения не имело. Усевшись на тёплое и мягкое, девочка вмиг притихла.

Ещё несколько часов назад жизнь справедливо считалась размеренной до однообразия, тягуче-неисправимого, прерываемой сном, когда сознание, в приятной истоме покидая тело, плывёт в бесконечности, увлекаемое краткими встречными сновидениями. Той жизни нет, они сами решили в спешке набить сумки, свалить из дома на ночь глядя, никто их не подгонял, ногою нервно ритм не отбивал, никто за ними по пятам не гнался, и они не отстреливались мужественно из-за угла, сберегая патроны, и с глубокомысленным прищуром не вглядывались в даль, туда, где растянулась цепочка врагов. Сейчас на улице, внешне не изменившейся никак, с редкими безразличными прохожими, тусклым вечерним освещением, их положение напоминало игру в казаки-разбойники, но во взрослом возрасте.

— Может, ты паникуешь, давай вернёмся, а? — но на языке у Ани вертелось «поздно уже», в смысле «хватит, погуляли, домой пора». Глупо стоять у мокрой скамейки, на которой, утомившись, сидя спит дочка среди сваленных вещей, а часы показывают почти двенадцать.

— Нет, домой возвращаться нельзя, я боюсь даже думать, как долго.

— Что значит «долго»? Месяц?

— Год или два.

— Что? — Ане очень хотелось сказать: «Ну и какой же ты дурак!», даже не сказать, кричать, но ребёнок спал, да и на улице вопить дурным голосом воспитание не позволяло. — Может, ты расскажешь, что случилось? А то — убьют, собирай шмотки, бежим!

— Вчера вечером я пришёл поздно.

— Ночью, в начале третьего, между прочим.

— Ну да, Семёныч ещё месяц назад просил зайти к одному типу, тот участок купил. Так вот, торчал я у него часа два. Ну, значит, вручил этот гусь мне план участка и выпер, главное, ни слова о деньгах. Типа ну мы там потом договоримся.

Подобного рода договор был весьма опасен из-за неожиданно всплывших «закадычных друзей» со своими требующими ремонта квартирами, в десять раз превосходящими по площади

Петину комнату. Договор означал не только отсутствие оплаты, но ещё и тумачи вдогонку «за такую халтуру».

— Представляешь, вышел на улицу, а там колокольня Никольского собора над Крюковым каналом сияет, казалось бы, такой растиражированный вид... — Пете представилась она, возвышающаяся над притихшим ночным городом.

— Дальше! — Аня прервала его мечтания, вернув к теме разговора.

— Да, а из-под припаркованного «мерса» выглядывает какой-то странный тип и мне говорит: «Здрассте!»

— Всё?

— Ну да.

— Замечательно! И ради этого ты нас вытащил из дома? — Аня разозлилась на саму себя за детскую привычку слушаться кого угодно, опережающую здравый смысл.

Дурак! Устроил всем на ночь глядя марш-бросок, паникёр, мамсик! Ещё Маня наглотеется холодного воздуха, и опять нескончаемые сопли.

— Понимаешь, этот урод по приказу Семёныча с Витей устанавливал под машиной взрывное устройство! Сегодня в конторе были разборки, оттого что я кого-то увидел вчера. А видел я этого придурка. Что он забыл в два часа ночи под чужой машиной? И, главное, он сказал, что из-под машины вылезал и

поздоровался, со мной поздоровался! Мне, кстати, рожа его тогда показалась знакомой! — и Петя в общих чертах поведал об услышанном и насторожившем обрывке разговора, как затаился, прокрался бесшумно к окну и выпрыгнул со второго этажа в мусорку. Звучало пресно, вяло и крайне неубедительно, особенно идиотским выглядел его прыжок «в пространство».

— Я не верю. Так... — Аня помолчала, единолично принимая решение. — Ловим машину и едем обратно. Хватит!

— Ты предлагаешь завтра самому проверить, убьют меня или нет? — Петя не понимал её совершенно: она же умная! Разве можно такое говорить? — А как ты с этим жить будешь потом? — медленно произнёс он, не то обращаясь к ней, не то рассуждая сам с собой.

Аня не могла выдержать его близкий взгляд; когда зрение на глаза разное — плюсовое и минусовое, это почти больно. Она отшатнулась молча.

Он продолжал:

— Если сегодня на Крюковом канале кто-то взлетел на воздух в своём «мерсе», то я свидетель, нежелательный, да и ты под вопросом.

— Я говорила, что телик не включала.

— В газетах завтра посмотрим. Даже если это машина другого, то через заказчика на меня быстро выйдут, а тут и пациенты... Мы с ним были тѣзки...

— Если что, вернёмся.

— Не вернёмся! В том-то и дело, не вернёмся! И какого рожна он со мной поздоровался... Культурный выискался, блин! — Петя невольно процитировал Семёныча. — Был бы сейчас дома, спал... Блин!!! — он схватился за голову. — У этого клиента с Крюкова канала я оставил в квартире свои отпечатки пальцев! Чай пил с ним, за ручки дверей хватался. Если его грохнули, то я последний, кто его видел, и менты будут искать меня.

— Что, везде засада?

— Я забыл про его видеокамеру на лестнице! У них всё на меня!

«А если весь этот бред — правда?» — с тоской думала Аня.

Петя рассеянно шевелил пальцами больной ноги, убеждая себя, что ничего не сломал. «Не хочу в травму идти, вдруг засвечусь».

Дочка сладко спала, послушно сложив на коленках ручки с маленькими пальчиками в детских складочках, прильнув щёчкой к рюкзаку с алюминиевым каркасом, и страх обручем сдавил Ане голову: «они» и в кустах за скамейкой, и в травмпункте, — везде. Они прохаживаются среди чемоданов, сумок, в зале отлёта в Пулкове и на вокзалах, заглядывают в лица плачущих детей, толстых тёток, стариков, задерживаются у раковины в туалете, напротив своего бледного в лампах дневного света отражения,

уходят от него, убедившись, что за хлопающими дверками кабинок нет никого, хоть немного похожего на Петю. Они сидят в кафе, стоят за спиной, на остановках такси, автобуса — всюду, куда заведёт их разыгравшееся воображение Ани.

— Разве можно от них скрыться? — Аня их почти увидела: и целую толпу, и одного-двоих, прячущих лицо в тени и что-то ещё в правой руке, за спиной. И это что-то предназначалось главным образом Мане, потом уже ей. Они не исчезали, меняя личины, они перемещались за сотни километров за мгновение, за одно движение её глаз, век. Отныне они с нею будут неразлучны.

— Не скроешься, найдут, если очень захотят. Надо отсидеться где-нибудь год или два, надеюсь, они за это время ещё покрошат друг друга... Чем больше, тем для нас лучше.

— Думаешь, потеряют интерес?

— Может.

— И где эти два года нам отсиживаться?

— Вот бы узнать...

Сгущающиеся сумерки сеяли мелкий невидимый дождь, ввергающий в беспредельную скуку, смешивающийся со слезами на лице. В свете уличного фонаря листья клёна казались особенно жёлтыми. Отяжелев от дождя, они со щелчком отрывались от веток в основании своих длинных

сухих черенков и медленно спускались вниз, к другим таким же, устилая рыхлым слоем землю вперемешку с тенями, своими бестелесными неразлучными двойниками. И плавному движению листьев и теней, казалось, не видно конца, и день за днём дворник будет сметать их, прилипающих к асфальту, мокрой метлой. Однажды окажется, что листья на ветвях, на траве и асфальте исчезнут, тогда ветки окружают жёлтые ночные фонари почерневшими бликующе-мокрыми объятиями, но, оставшись чёрными и голыми до зимы, они внесут в городской пейзаж ещё большее уныние, приобретая грубоватую графичность, когда в складках коры застревает задуваемый снег.

Что делать дальше? Каким будет следующий шаг: правильным, бессмысленным, ложным? Не ждёт ли западня в Наташиной квартире? И где её нет? В тупике, у глухой стены брандмауэра, в узком замкнутом дворе, в зловонной подворотне? Как преодолеть парализующий страх, вызывающий опустошённость и бессмыслие, когда любые действия — продуманные, интуитивные, вынужденные, оплошные — одинаково способны быть губительно непоправимыми? Как понять, какой путь не ведёт к тем, от кого они убежали? А когда те возьмут их след, как быстро они по нему пойдут, по щепочке, вглядываясь, внюхиваясь,

подчиняясь хорошо развитому первобытному инстинкту хищника, петляя по улицам, спускаясь в метро, выныривая на окраины, на пустыри, на болота, в лес?

Куда потянуть за собою след: к знакомым, к родственникам, в гостиницу? Найдут, везде найдут. Аня вспомнила живых миног в рыбном отделе: змееобразные существа лежали друг на дружке в пластиковом лотке. Одни потеряли силы, смирившись со своим концом, другие не сдавались, извиваясь, пытались выбраться из братской могилы, обозначенной высокими бортиками лотка. Их активность бесполезна, всё равно сожрут.

Из собственной жизни надо исчезнуть, бесследно и как можно быстрее.

Аня шуровала рукой в сумке в поисках телефонной карты:

— Надо родителям позвонить, кстати, попросить их купить себе телефон и левые симки.

— Да, да, обязательно, — Петя с благоговением смотрел на жену, думая: «Какая ты необыкновенная!»

С вещами и сонной дочкой они побрели в поисках телефонной будки, звонить с мобильного Пети опасались.

Гудки в трубке оборвались.

— Да, слушаю, — сдавленный глухой голос мамы выдал готовность выслушать самую страшную весть.

— Мам, привет.

— Аня, где вы? Что с Машей?

— Да ничего с ней не случилось. Спит вот тут, — Аня не стала уточнять, где это «вот тут», а мама не догадалась, что под дождём на улице.

— Мы же договаривались, я вечером найду, вещи занесу Машенькины, забытые.

— Так это ты звонила в дверь?

— Ну да.

— Представляешь, это мама звонила, а мы убежали, — пояснила она Пете в сторону.

— Я понял, — кивнул он.

Машу достаточно часто, по мнению Аниной мамы, привозили к ней — и не на один день. Аня садилась с дочкой на троллейбус и неспешно ехала по Московскому проспекту прочь от центра. Троллейбус разгонялся, щёлкая дугами, или тормозил на остановках, лязгая гармошками дверей, — в общем, не торопился. Московский проспект пересекал Обводный, делался шире, и скруглившая их пересечение каменная чёрно-серая стена Фрунзенского универмага оставалась позади, а именно там, если верить рассказу Аниной бабушки, до войны годами висела баснословно дорогая чёрная каракулевая шуба, невостребованная, непродаваемая.

За Обводным поскромневшие фасады домов сменялись ясными геометрическими формами первых пятилеток, а затем пафосом социалистического ампира со стороны

Московского и простенько оштукатуренными с других улиц, непарадных. В одном из таких домов с окнами на заросший то полями двор жили родители Ани. Жили тихо, мобильников не держали, считая их блажью, неповольительной роскошью: дома у всех телефоны, на улицах будки, а потому Анина мама, доехав до дома дочери, безуспешно звонила ей в дверь, а вызвав соседей, выслушала раздражённое «знать не знаем, их комната закрыта», ушла, раздираемая страхами.

В неспешную жизнь родителей Ани, несмотря на привычное к смертям военное детство, не укладывались ни заказчики с криминальным прошлым, ни портфель с пачками чужих долларов, которые необходимо их зятю отдать за медные трубы, водопроводные, естественно, джакузи, натяжные потолки и всё то, о чём мать большую часть жизни не знала и что связывала теперь с полукриминальной деятельностью своего зятя.

— Мам, ты только не волнуйся, мы в бегах, — скороговоркой прошептала Аня.

— Что значит «в бегах»? — гневно спросила мама.

— Скрываемся от пацанов.

Мама молчала.

— Если что, ты ничего не знаешь и меня не видела, поняла? И вообще я не твоя дочь! Ты меня слышишь?

В трубке после длительной паузы послышался шумный вздох:

— Вам надо что-нибудь?

— Нет... Ах да, купи себе телефон, специальный, для связи только с нами, ещё нам и себе левые симки, обязательно левые, они у метро продаются.

— Зачем?

— Звонить. Ты где-нибудь у метро в переходе купи. Мы в людное место не хотим соваться. Купи нам штуки четыре, но в разных местах.

— Когда мы встретимся?

— Ну, я не знаю... а зачем?

— А как я вам симки передам?

— А... Давай завтра часов в семь.

— Хорошо, на скамейке в парке, где мы с Машенькой в коляске гуляли, — с внучкой мама Ани гуляла в парке Победы, любила сидеть неподалёку от бывшего кирпичного завода, вызывавшего ужас в блокадном детстве... Жизнь идёт.

— Пока, — заторопилась Аня.

— Что значит «пока»? Вам есть где жить?

— А... нет.

— Замечательно, дай мне Петю к телефону.

Аня поднесла к его уху трубку.

— Добрый вечер, Наталья Сергеевна, — изогнув шею и отвернувшись от спящей на руках Мани, радостно произнёс Петя, пытаясь загладить сложившуюся ситуацию.

— Очень добрый. У вас нет жилья, я правильно поняла?

— Всё правильно, Наталья Сергеевна, — Петя почти лебезил,

что раздражало тещу ещё больше.

— А где вы собираетесь его найти?

— В другом городе или у кого-нибудь на даче, мы ещё не решились.

Наталья Сергеевна промолчала, в свой вопрос она вкладывала иной смысл, подразумевая, что и её, и их возможности весьма ограниченные.

— Да, мама, — Аня перехватила трубку. — Может, у знакомых твоих...

Мама печально вздохнула:

— Поищем с отцом. Надо же подальше?

— Ну да...

— Вам сегодня есть где ночевать?

— Есть-есть.

— Дай трубку, — шёпотом зашипел Петя. — Наталья Сергеевна, я тут подумал: если жильё найдёте вы, то при определённых обстоятельствах они могут выйти на вас, а потом уже на нас. Давайте ваш вариант будет запасным. Хорошо?

— Да, мама, — взяла трубку Аня. — Ты поищи, но ничего пока не обещай.

— Тогда до завтра, — мама завершила разговор, вызвав у Ани волну раздражения: вот так всегда, можно подумать, что она во всём виновата! Но доказать что-либо маме, замкнувшейся, замолчавшей на другом конце города, было невозможно, и неприятное чувство ещё долго будет

тащиться за Аней, трансформируясь в дурное настроение, пока не сдуется или не возникнет новый внезапный толчок извне.

— Давай думать, — Петя поудобнее перехватил спящую дочку. — У кого имеется дом или дача? Так чтобы это была тушиковая ветвь, и они, кроме как на нас, ни на кого не смогли бы выйти.

Оба долго молчали, их никогда не интересовало, имеются ли у знакомых дома или дачи, и тем более далеко. В голову не приходило ничего.

— Слушай, а если Виталий? — осенило Аню.

— Какой Виталий?

— Который зажал нашу шпалеру. Он как-то сказал: заберу родителей из деревни.

— Когда это было? Посмотри у меня в телефоне, я не стёр?

Аня взяла у него телефон.

— Ну да, есть тут Виталий — он, не он...

— Диктуй, я позвоню с карты... Виталий, привет, это Пётр. Какой Пётр? Историю со шпалерой помнишь?

В ответ долго молчали:

— Что ещё? Я вам всё отдал.

Оба знали, что это неправда. Как-то на одной из расселённых квартир из кучи хлама и мусора на полу Петя выудил кусок старинной шпалеры, небольшой, размером 40x50, достаточно тусклый, с изображением французской жанровой сценки эпохи мушкетёров. Чтобы оценить её,

он обратился к знакомому антиквару Виталию, тот попросил оставить шпалеру, чтобы показать её специалисту по тканям. В результате Виталий якобы её потерял, а так как денег у него не было на тот момент, то выдавал он их частыми микроскопическими дозами, запутав всех, а затем и вовсе перестал. И вот опять Петя обратился к нему с просьбой.

— Неожиданно, — Виталий, выслушав, не поинтересовался причиной аренды дома: есть тема, предлагают деньги. — Перезвони мне через полчаса, матери расскажу.

— Хорошо.

Протомившись в нетерпении у будки ещё тридцать восемь минут для демонстрации отсутствия острой заинтересованности, они получили от него утвердительный ответ и желание получить аванс такого размера, который заставил их задохнуться от гнева, поскольку выходил за рамки всякой порядочности, впрочем, Виталий таковым никогда и не являлся. Просто он учитывал не только интерес матери, но и свой, посреднический, оттого сумма подросла. Петя его слегка отрезвил и опустил до взаимного удовлетворения: один не слишком пострадал, другой не сразу согласился. Завтра в первой половине дня предстояло обменять ключи на деньги. Петя передал Ане уснувшую дочку и взвалил на себя все вещи. Девочка не

шевелинулась, её ровное дыхание никак не сбилось, и детская моська разъехалась, расплющилась о мамино плечо, и закрытые плотно глаза с кукольно загнутыми ресницами не дрогнули.

От одного дома к другому, от одного фонаря к следующему они шли, и их тени, скользя по мокрому асфальту, раздваивались, отставали, уменьшаясь с каждым шагом, слипались, запутавшись под ногами, начинали расти и, остановившись, топтались на месте у Наташиного дома. Петя задрал голову; окна темнели в окружении нескольких ярких. Осмотревшись по сторонам и никого не найдя, Петя набрал код ворот. Протиснувшись в открытую металлическую створку и пройдя тёмную коленообразную арку ворот, они завернули за выступ стены и оказались перед дверями парадной. Нажав одновременно четыре вытертые кнопки замка, они медленно закрыли за собой дверь на лестнице.

— Нельзя, чтобы нас слышали и видели соседи, — свистящим зловещим шёпотом предупредил Петя. — Оставим сумки внизу, я сбегаю заберу, и давай Маню.

Осторожно и бесшумно опуская ногу на каждую ступень, они приближались к двери, к чужой двери, которую следует открыть так же беззвучно. Лишь только это удалось, юркнули в неосвещённую прихожую. Уйдя в спальню, всё так же не

зажигая свет, Петя осторожно уложил дочку на кровать, скинул рюкзак и поспешно исчез на лестнице. Большая кровать с массивными витыми спинками и восхитительно дорогим матрасом, на котором беззвучно спала Маня, — единственное, что присутствовало из мебели в комнате, слабо освещаемой с улицы сквозь сдвоенные окна. Присев на краешек кровати, Аня стянула с дочки ботиночки, шлёпавшие ещё меньше часа назад по лужам, комбинезон, погладила ножки, округленькие, маленькие и мягонькие, с пухлыми пяточками, пальчиками, коленками. Она развязала шапочку, оставив девочку в одних колготках и кофточке. Комбинезон свернула и положила ей под голову вместо подушки, укрыла дочку своей курткой. Не просыпаясь, девочка заёрзала, устраиваясь поудобнее. «Сладенькая», — то ли подумала, то ли проговорила Аня, переведя долгий взгляд с неясного в темноте лица дочки на окна: задёргивать их шторами нельзя, ничто не должно указывать на присутствие людей в квартире.

Темнота скругляла углы комнаты, а её пустота отодвигала стены и заставляла ползти выше потолки. Аня тихонечко встала и под звук собственных шагов подошла к филёнчатой двухстворчатой двери с матовыми стёклами, распахнула, со скрипом повернув её холодную латунную ручку, вышла в соседнюю

комнату с тремя окнами, просторную, как танцевальная зала, и совершенно пустую, как и следующая. Пройдя вдоль стен, она повернула обратно. Тень в историческом помещении, из которого исчезла жизнь, она пересекала желтоватые прямоугольные пятна света с улицы на паркете, открывала и закрывала широкие двери, неясным, лишённым цвета отражением возникала в глубине новеньких зеркал, не впитавших в свои глубины ни единого образа.

Меньше ста лет назад проживал в этой квартире достаточно небедный пузатый господинчик, возможно, даже с семейством. Ходил регулярно на службу, а летом для домочадцев снимал дачу где-нибудь в Териоках или Куоккале, фланируя в белом летнем костюме и шляпе; любил пить чай на веранде, слушая патефон, в уютной приватной компании — или в большой, располагаясь на лужайке; играл в крокет или даже совершал полезные велосипедные прогулки, а ещё слыл большим, но совершенно невинным шалуном по женской части. Однако новый порядок не простил господину ни круглое крутое пузо, ни шляпу, ни пенсне, ни касторовое пальто с меховым воротником. Неизвестно, был ли господин порядочным человеком, или так себе, или совсем никудышным, в последнем случае кара, постигшая его, справедлива. Господина

в его многокомнатной квартире потеснили, уплотнили, поделив обстановку, потом ещё потеснили, и ещё, пока он не исчез совсем.

В освободившихся комнатах поселились новые жильцы, и шумные, и тихие, но простодушно-неопытные в вопросах городской жизни, поэтому для таких, как они, печатались ядрёного цвета плакаты на шершавой серой бумаге, рассказывающие, что в корыте стирать в комнате с паркетом не следует и после воду из окна ни во двор, ни на улицу выплёскивать не стоит. Храните, граждане и гражданки, свои корыта и стиральные доски на общей кухне, полощите в подвале в прачечной своё исподнее в пене хозяйственного мыла, а для мытья существуют бани, для чего необходимо выйти на улицу. Нескоро, но вслед за пропавшим господином поодиночке принялись исчезать и новые жильцы, войны ли были тому причиной, блокада ли, эвакуация, добровольная и принудительная, весьма и весьма далёкая — неизвестно. Пропал, сгинул даже Митрофанов Емельян. Он стучал по полу крепкими сапожищами на кривых коротких ногах, носил лихо схваченную ремнём гимнастёрку и широкозадое синее суконное галифе. Характером Емельян был крут, работа обязывала: приходил под утро, выпивал бутылку водки, заедая хлебом, сгрызая

молодыми зубами брызжущую жгучим соком луковицу, ложился немного соснуть, с тем чтобы утром сжевать с солью картошку в мундире, сваренную женой, полуграмотной, как и он, робющей в его присутствии, затем пойти на работу и, вернувшись на исходе ночи, выпить новую бутылку водки. Отдыхать некогда, не время.

К концу войны жилплощадь, не считая сломанных напольных часов в корпусе из красного дерева, стояла совершенно пустая, а потому от неё отделили в квартиру три комнаты, примыкающие к парадной лестнице и с окнами, выходящими на улицу, передав её достаточно крупному не то начальнику, не то командиру, но и он ненадолго в ней задержался, потому как неожиданно умер. Слишком радел он, переживал за дело, которому служил. Поскольку вдова его имела к службе мужа лишь косвенное отношение, нерабочее, то и её потеснили, загнав с детьми в одну комнату, но самую большую. И опять в квартире зажили единым человеческим общепитием, с энтузиазмом встретившим предложение риелтора разъехаться на фиг, как можно подальше друг от друга, в отдельные клетушки. В итоге квартиру купил Наташин Серёга, парень рискованный и надёжный, но в своей отрасли. Некому было вспоминать ни о Емельяне Митрофанове, ни о загубленном им крутопузом господинчике с семейством.

— Есть что-нибудь пожевать?
— вернувшись с лестницы с сумками, Петя возбуждённо и заинтересованно заглянул в дверь пустынной гостиной.

— Откуда? Ты сам велел всё выбросить.

— Что так резко? А что было?

— Крылышки.

— Вообще, что ль, ничего не взяла?

— Сало, которое тебе молдавانه привезли, оно такое вкусное, что жалко в ведро.

— Давай, давай сало, — оживился Петя. — А хлеб есть? — он мечтал об ужине ещё с обеда, представляющего из себя пару бутербродов и тёплый чай из термоса.

— Нет. Молоко только взяла, пакетик для Маши на утро и бутылочку сдобную.

Петя тяжело вздохнул и поплёлся в спальню, устроился с краю, рядом с Машей, спящей посередине кровати, и, не успев ни подложить что-либо под голову, ни укрыться курткой, мерно задышал. Когда по другую сторону от дочери легла Аня, сладко вытянувшись, он инстинктивно коснулся её ногой и замер.

Ане сделалось щекотно, и она отодвинулась.

«Андрей, — подумала она. — Этот кошмар им устроил Андрей? Бред! Неправда!»

О нём ей известно только имя, и этого казалось так много, чтобы решиться сжечь мосты, оставив на другом берегу Петю,

вызывающего своей бесхребетностью почти брезгливую жалость и садистское желание делать больно. Как же он ей надоел, этот Петя со своим обожанием, с постоянным стремлением во всё угождать! У него бабий характер, из него верёвки можно вить, вот она и скажет ему, чтоб убирался, куда захочет, но без неё и без ребёнка! И она знает, как он себя тогда поведёт: сникнет, попытается сгладить острые углы, но, поняв бесполезность усилий, исчезнет, своей мягкотелостью вызывая ещё большее раздражение, смешанное с презрением. Оно и к лучшему. Сейчас самый подходящий момент от него свалить. Аня зло упёрлась взглядом в Петю: притулился, почти консольно, на краешке кровати king-size, то ли от боязни их с Маней стеснить, то ли не хватило сил вползти дальше, и уснул, где получилось. Немедленно растолкать его и выдать: «Катись в ж...!» И в глаза, не моргая, уставиться, его мучения, истерики впитать до капельки!

Петя вздрогнул и проснулся.

— Ох, забыл! — он сел, печально подперев голову. — Мне же надо переписать все контакты, завтра включать телефон будет уже нельзя.

И он обречённо-вяло поплёлся искать блокнот, ручку, чтобы на кухне, заставленной чужой, наполовину распакованной техникой и мебелью, сесть на пол, используя единственную табуретку

как стол. Не теряя надежды вернуться к прежней жизни, он бесконечно долго переписывал телефоны знакомых и не очень клиентов, родственников и вообще не пойми кого, освещая лицо слабым, мистически-сизым светом экрана.

Освободившись от присутствия мужа, лёжа на спине и глядя в рыхлый от темноты потолок, Аня пыталась вспомнить цвет глаз Андрея. Вероятно, серые, поскольку волосы, коротко подстриженные, как у бывшего борца, русые.

Впервые она столкнулась с ним в лифте, везла на квартиру тёщи Семёныча образцы кафеля, тащила почти от самой телевизшки толстенные и тяжёлые папки с приклеенными фрагментами плиток. До входа в лифт думала, что вот-вот упадёт от усталости, а кафель её добьёт сверху.

— Подождите, не уезжайте, — подбежавший к лифту был Андрей, и ехал он туда же, куда и она: на квартиру к тёще шефа.

Слушая дыхание друг друга, в тесном замкнутом пространстве лифта, насквозь пронзая этажи, они поднимались вдвоём всего несколько минут, но те перевернули сознание Ани. Он только глянул ей в глаза, и она пропала. Он всё в её жизни сломал, и она испытала облегчение. Одним только взглядом он разнёс в клочья её приторно-пресное существование с Петей, порой

перетекающее в подобие подросткового дружанства.

От короткой мускулистой фигуры Андрея исходил такой напор, такая мощь, что Аня едва удержалась от желания прижаться к нему в поисках защиты. Она почти потеряла самообладание от нескончаемого движения вверх, но всё-таки лифт замер, и раздвинулись двери; повернувшись к ней спиной, Андрей молча вышел. Аня почти послушно последовала за ним. В тёщиной квартире она напряжённо не глядела в его сторону, зная, что Андрей следовал за ней из одной комнаты в другую. Телефонный звонок оторвал его от неё, заставив поспешно уехать, но он не покидал её ни в мыслях, ни в снах, а в их нечастые встречи на объектах его место было только рядом с ней, иначе он не мог. Она знала, что ему известно всё, и он знал, что она знает. Это свершилось почти мгновенно, и где здесь место для Пети? Она ему всё честно скажет и уйдёт с ребёнком.

Петя не приходил, исчез, пропал, и с кухни, расположенной далеко от спальни, не доносились ни скрипы, ни шушания. Аню это не беспокоило, усталость постепенно поглотила решимость, и она уснула, крепко и без сновидений.

Утро разбудило её яркими косыми лучами, пронзившими спальню и взметнувшими пыль,

задрожав на потолке зайчиком от помутневшей воды в оставленной рабочими трёхлитровой банке, разложившись радугой на кромке зеркала — ночного пролома в потусторонний мир. Перехваченные чёрными кистями тяжёлые траурные драпировки, обрамляющие ночное окно с жёлтым светом уличного фонаря, оказались нежного серо-голубого цвета, а сами кисти — серебряные, как и люстра с хрустальными каплями, каждая из которых вмещала не одну частичку солнца. Чужая богатая обстановка, большая кровать создавали впечатление дорогого отеля. Ещё мгновение — и внесут на тележке завтрак, поставят каждому столик с горячими хрустящими булочками, джемом, кофе, детским сладким какао, пахнущим ванилью, а ещё с розой в вазочке для Ани.

— Класс! — она зажмурилась от удовольствия. И хотя они с Петей могли рассчитывать только на щедро подаренное молдавское сало и холодную воду из-под крана, ощущение праздника не пропадало, вытеснив решимость порвать с мужем. Петя спал, так тесно прижавшись к ней, что почувствовал её пробуждение, его светлые ресницы слегка вздрогнули, и он резко распахнул глаза.

— Который час? — шёпотом, боясь разбудить дочку, спросил он.

— Начало восьмого.

— В восемь к нам домой заедет Андрей.

— И что?

— Как что, будет искать нас, звонить по всем номерам!

— У меня же нет телефона.

— Я тебе купил, хотел подарить, — Петя вздохнул.

— Обалдеть! Покажи! — Аня чмокнула его в щёку.

Петя поплёлся в соседнюю комнату к мешкам, склонившись, долго шуршал и, наконец, достал, да не простой, а стильную дорогую «раскладушку».

— Дарю, но только звонить с него нельзя, — он протянул ожидающей рядом Ане телефон.

— Что за бред?

— Я его с симкой на свой паспорт покупал. Мы с Андреем зашли, контрольный звонок я сделал на его телефон.

— Зачем?

— Не помню, кажется, он попросил. Даже если мы симку выбросим и аппарат останется, он дорожает, не зря Витя с Семёнычем перед ним слегка пасуют. Кстати, это именно он предложил убрать меня. Вот тебе подарок, и гони его обратно.

«Дура! Дура! — беззвучно шептала Аня, вынимая и разламывая симку, отторгая, не слыша последних Петиних слов. — Идиотка! Дура! Размечталась! Всё равно останусь».

Но, выбросив симку, она вынула из трубки аккумулятор и положила их в косметичку.

Мысли и действия не совпадали. «Как же просто, — обречённо думала она, — воевать в одиночку, в полусне, в идеальном воображаемом пространстве, не встречая преград! Ещё проще, чем плыть по течению, изгрызая собственную плоть за нерешительность и невозможность совершения поступка!»

— Они теоретически могут распечатку моих звонков достать, а оттуда на твоих родителей, — Петя глядел на жену, выжидая ответа, он ей верил.

— Ты когда им звонил? Я им из дома звонила, а у тебя не одна сотня контактов: клиенты, магазины, строительные базы. Нормальных людей нет, а телефон не замолкает, — и она опять не сказала ему то, что хотела.

— Может, и прокатит. Надо оба телефона отдать сегодня твоим. Пусть они толкнут в скупке в разных частях города. Во-первых, им деньги, во-вторых, новые владельцы собьют пацанов с толку, а мы выиграем время.

И в косметичку был положен второй телефон с аккумулятором.

Воодушевлённый собственной ловкостью Петя направился на кухню, с радостью обнаружив старый электрический чайник и горбом выгнутый сухарь, испещрённый трещинами, — второе молдавское наследие. С сухарём и куском сала Петя с наслаждением улёгся в хозяйскую кровать.

— Теперь можно и чай пить, и сосиски с яйцами в чайнике варить, — размышлял он.

— Я такой чай пить не буду.

Чай не пришлось пить никому, и не только по причине его отсутствия: единственная кружка оказалась забита затушенными, заломленными окурками и горелыми спичками.

Петя расправился с сухарём, но сытости он ему не прибавил:

— Не нравится мне всё это.

— Что?

— Ты сейчас пойдёшь за ключами и жратвой, вернёшься. Вечером к своим.

— Что ты предлагаешь?

— Ничего.

— Вот именно.

— Я понимаю, что вероятность небольшая, что меня встретят, но... Ключи получим и завтра уедем. Нечего судьбу испытывать.

— Потом поговорим, — Аня не готова была сорваться и залечь в дыре надолго. — Ванну приму, спали одетыми.

Ванна — это джакузи, роскошь, триумф расслабления и любви к собственному телу, будущая повседневность Наташи и Серёги, хозяев квартиры. Их не привлекал в ванной белый «медицинский» кафель с ромбовидными кобальтовыми вставками по углам, так же, как и пузатые гранёные флаконы на мраморном туалетном столике, букетик лаванды в прозрачной вазочке, круглое зеркало в

серебряной раме, белоснежная льняная сорочка, соскользнувшая на пол, или металлическая колонна водогрея с холодными ручьями конденсата и топкой у основания. Ребята крепко запали на тяжёлый дизайн: сантехнику под изумруд, и чтобы раковина по форме напоминала цветок, а смеситель непременно «золотой». Политика Пети «получи, фашист, гранату» пробуксовывала: джакузи насыщенного зелёного цвета нигде обнаружить не удалось, а потому ванну обложили изумрудным кафелем, под стать чудо-раковине со смесителями под золото и не менее примечательному унитазу, образуя сантехническое подобие малахитовой шкатулки.

После подключения в ванне любили поплескаться молдаване, свою негу в булькающих пузырьках рабочие вполне заслужили. Они вселялись в ремонтируемую квартиру ещё до стадии разгрома перегородок, не покидая её — ни когда там неделями повисала строительная пыль от пола до потолка, ни когда испарялась густая влага оштукатуренных поверхностей, заливая тёплыми слезами наглухо закрытые окна, ни когда сохли обои, купленные по запредельным ценам за каждый рулон.

В отличие от молдавских рабочих, Аня в джакузи ещё не сидела, а только мыла и дезинфицировала, и полотенцем у неё послужит вчерашнее несвежее

бельё. Но, оказавшись внутри распадающегося клубка водяных струй, она получала желанные ласки там, где хотела, прихотливо изгибаясь навстречу потокам, наслаждаясь совершенством собственного тела и предвкушением ночи, когда Пете достанется всё, что накануне в мыслях предназначалось Андрею. Вылезая из притихшего джакузи, Аня глядела на воду, стекающую на кафельный пол по ногам, покрытым мелкими мурашками и вздыбленными волосками: всё хорошее позади. Далее сегодня у неё хозяйственная часть программы: необходимо подстричься и покраситься, измениться до неузнаваемости, а потом уже купить газеты и еду.

Встав сбоку от окна, Петя напряжённо разглядывал улицу — вправо, влево, затем двор; подошёл к двери, прильнул к глазку, пытаясь уловить шорохи на пустой лестнице.

— Можно идти, — он аккуратно повернул замок, беззвучно открывая Ане дверь.

— С ребёнком поиграй, а то всё я делаю! — и Аня вышла на лестницу, опрятную, недавно отремонтированную от первого этажа до верхнего пролёта над своим на средства Серёги и Натташи, не желающих устраивать себе рай на помойке и предоставляющих остальным жильцам возможность насладиться контрастом.

Глава 3

С каждой ступенькой, каждым следующим шагом вниз, множились, росли развеянные солнцем ночные страхи; когда Аня открыла входную дверь, сделалось совсем не по себе. Ощущая на себе сотни несуществующих глаз, она нервно юркнула в подворотню — никого, нигде. С нарастающей тревогой дошла до чёрных металлических ворот, открыла их — и на улице пусто: будний день, рабочее время. Опасность теперь переместилась и существовала не этажом ниже, не во дворе, не за углом, не на соседней улице, она куполом накрыла, сковала дом, где остался её ребёнок, и чем дальше уходила Аня, тем более неуязвимой она себя чувствовала. Настал момент, когда она опять перестала верить Пете, потому что солнце, потому что листья, жёлтые, бурые, алые, беззаботно шуршат под ногами, и во-он там Андреевский собор. Она купит Пете целый веер газет, швырнёт на кровать в бандитской хазе со словами: «Ну, что я говорила?»

Увидев газетный киоск, подошла и, нагнувшись, заглянула в окошечко:

— Будьте добры, дайте какую-нибудь питерскую газету.

— С кроссвордами?

— Нет, зачем, с новостями.

Согреваемая мягким осенним теплом, развернула одну из га-

зет: «Вчера утром на Крюковом канале при помощи взрывного устройства был убит известный бизнесмен Пётр... Накануне вечером у него был гость... Милиция прорабатывает разные версии...»

— Вы все возьмёте? — заставила её очнуться киоскёрша.

— Одной достаточно, — буркнула Аня. Крошечная газетная заметка перечеркнула сюсюканье о любви, ночные фантазии, мелкие, наивные, обозначив узкие бабские границы, в пределах которых Ане дано мыслить, но расширить их, перешагнуть в параллельный, запредельный мир физически невозможно. Есть лужа, мелкая, тёплая, есть таз, в них ей дано кое-как плавать или хотя бы сидеть, не подозревая о существовании безбрежного моря, волн и свободного маневрирования. Таким образом, отъезд с мужем неизвестно куда почти решён, шатаниям «верю — не верю» пришёл конец, игра «опасно — неопасно» закончена. Всё серьёзно.

И она побрела в поисках парикмахерской, но, спохватившись, вернулась, чтобы купить раскраски, карандаши, пару книжек, наклейки, дешёвую страшную куколку и прочую ерунду, способную на некоторое время нейтрализовать дочь.

В первой попавшейся парикмахерской, глядя на своё изменяющееся отражение (с волосами, вымазанными кисточкой

ярко-оранжевым, завёрнутыми в фольгу, затем вымытыми, вздыбленными, расчёсанными и обкромсанными ножницами), Аня подумала, что собственное преобразование она представляла несколько иначе, но значительно лучше. Мастер подстриг как умел, замерев в ожидании реакции. Аня придирчиво рассмотрела себя в зеркале: точно, родная мать не узнает. Достала яркую помаду из косметички, увозюкала губы, надела тёмные очки: кошмар!

Телефоны себе и Пете она купила подержанные, чтобы запутать следы и чтобы не жалко было выбросить. Но в ближайшие дни ей для безопасности предстоит звонить только по карте. Замкнувшись в стеклянной капсуле телефонной будки, Аня достала карту и листок с номерами приятелей, Сашек, Вовок, Наташек, Димок. Всем им она сообщала, что они отваливают в Штаты, что были до последнего момента серьёзные проблемы, поэтому они никому ничего не говорили. Да, обязательно позвоним, когда всё прояснится. Самым важным в звонках значилось отсутствие подробностей: с какого аэропорта, когда и каким маршрутом. Но двое из тех, кому звонила Аня, узнали если не правду, то полуправду. Один из них — Софронов, Петин близкий приятель.

— В бега, значит, бросились, — подытожил он, выслушав новость об отъезде. — Да ладно, что

я, не понимаю? — ответил он на слабые протесты Ани. — У самого клиенты сложные.

Татьяне, подруге детства, нести ахиною про Америку Аня не смогла. Набрав её номер, она улышалась знакомое:

— А, привет, моя дорогая.

Они познакомились во втором классе. Пасмурным осенним днём Аня стояла на детской площадке во дворе, просто стояла, скучая. Время тянулось бесконечно, и следующее мгновение казалось ещё скучнее предыдущего, а тут ещё старуха приклеилась к окошку на третьем этаже. Аня повернулась к ней спиной, замерев в центре площадки, не мигая, уставившись на незнакомую девочку на качелях. Девочка раскачивалась всё сильнее и сильнее, не пугаясь сделать «солнышко», замереть головой вниз, сорваться, упасть на мелкий острый гравий. Её нисколько не смущало Анино молчаливое бесцеремонное разглядывание, и под металлический скрип она летала по дуге, откидываясь то вперёд, то назад, выпрямляя и поджимая под сидением ноги. Вдруг, в наивысшей точке полёта, оторвавшись от качелей, она далеко прыгнула и, опустившись на ноги, едва удержалась, балансируя и расставив руки.

— Давай дружить! — почти приказала она.

Перед Аней предстала восьмилетняя Твити, коротко подстриженная худенькая девочка. Впоследствии, подрастая и переходя

из класса в класс, поначалу не без помощи своей мамы, она примеряла на себя не один образ знаменитых блондинок, вызывая у Ани немое восхищение и безоговорочное признание лидерства. Но, как и в детстве, прыгнув с качелей, так и в пору, когда захлёстывает миллион желаний, на взлёте она с размаху шагнула в бездну. Болезнь, о которой никогда не слыхала, обрушила на неё физиологические проблемы глубокой старости, жизнь завершилась. Оказавшись в плену своего тела, она шла навстречу смерти семимильными шагами и ещё больше заспешила после того, как компаньон её фирмы, поставленный на «счётчик», покончил с собой, запершись в гараже со включённым двигателем.

— Такой ужас, — не посвящая в подробности, жаловалась ей в трубку Аня. — Мы всё потеряли, всё бросили!

— Это ещё не самое страшное.

— Мой мужик говорит, что на год смывается или на два. Представляешь?

— Представляю. Я столько не протяну.

— Ну, ты опять.

— Я без иллюзий, моя дорогая. Если враги будут пытаться, ничего не скажу, не бойся... Днём раньше, днём позже, — сказано было с обычным не то напускным, не то естественным равнодушием, как если бы речь шла о третьем лице.

Разговор Аня скомкала вымученными бездушными фразами.

— Ну, ты звони, когда сможешь, — эта просьба, вырвавшаяся напоследок, означала, что звонков её будут ждать, очень ждать.

Аня рассеянно повесила трубку: всё она делает не так, вот только что искала поддержки у неизлечимо больного человека, не чувствуя её боли, по привычке видя её яркой и сильной женщиной, а не в окружении антикварных безделушек и баночек с лекарствами. А к кому Ане прижаться на своём пути в одиночество, чтобы, как в детстве, поелозив попой на коленях у бабушки, уютно ощутить тепло её мягкого полного тела и чтоб подули на ушибленное место, успокоили?! Петя, ввергнувший их всех в этот ужас, сам, кажется, ищет у неё утешения, ещё и дочка хнычет от скуки. Поддержки нет даже от мамы, скорбно заледеневшей, малодушно укрывшейся в организационных проблемах, боясь услышать подробности. Кто вдохнёт силы? Она вынуждена бежать от того, кого любит, с тем, кого не любит, против воли, не имея твёрдости поступать так, как надо ей, а не другим. Как было бы проще, если бы Петя не подслушал нечаянно вчерашний разговор, себя обнаружил, уронил с грохотом металлическую стремянку, разбил вдребезги, в тысячу прозрачных осколков

лампу, спустился к пацанам с недоумевающей заискивающей улыбкой: «Добрый вечер!»

Её жизнь бы изменилась, но не перечеркнулась, и не подвергались бы опасности родители. Аня подумала о дочке, представила её маленькие пальчики, тёплую шейку, светлые кудельки, где каждая волосинка имела свой неповторимо нежный оттенок. В сотый раз проклиная себя за трусость и неспособность изменить свою жизнь, она набрала номер антиквара Виталия. Да, он дома, она может приходить за ключами.

Дома — это в прихожей, дальше Виталий её не пустил, но и здесь было ясно: нечаянно пропавшая шпалера не одна. Слишком уж разнилась барская прихожая Виталия с коммунальной Аниной.

— Я так понимаю, у вас нужна острая в уединённом отдыхе? — антиквар вопросительно смотрел на Аню.

— Типа того.

Взяв и пересчитав деньги, Виталий передал Ане не только тяжёлую связку ключей, но и инструкцию на трёх листах формата А4 с указанием, как добраться и чего дома делать категорически нельзя, например, жечь дрова, несмотря на холодное время года.

— Электрички с Московского вокзала годятся только две, — напутствовал Виталий. — В четыре утра и в восемь.

Далее он поведал о переходе с котомками через железнодорожные пути, одни, другие, третьи, рельсы, вливающиеся стрелками друг в друга, шпалы, утопленные в почерневшем жирном щебне; затем автовокзал, для удобства подальше от станции. После каждого озвученного этапа пути Аня со страхом ожидала продолжения, надеясь, что уж это испытание — точно последнее испытание, но венцом оказался пустой тёмный лес, как в сказке. За неизвестным лесом, нашпигованным страхами и шорохами от самых замшелых пней, от корней до верхушек, их поджидает неизвестная жизнь. И каждый мысленный шаг в сторону воображаемого леса лишь раздувает неосозаемую опасность, готовую лопнуть, обернуться по хлопку в панику, неуправляемую, бьющую по вискам ударами крови.

— Как через лес?! — будущее приобретало всё более угрожающие очертания, несмотря на спокойно-будничным тоном Виталия.

— Там дорога, неширокая, но и не заблудитесь. Ну, пока. Когда река встанет, приедем за оставшимися деньгами, — разговор окончен, Виталий почти вытолкнул Аню за дверь. — И ещё: в деревне связь плохая, чтобы послать СМС, поднимитесь на гору и между берёзой и кустом бузины найдите место, где ловит, — прокричал он ей вдогонку.

Оказавшись на улице, ей ничего не оставалось, как позвонить

родителям, наговорить им на автототвечник, что вопрос с домом решён, затем наведаться в универсам за чем-нибудь съедобным.

Глава 4

— Неожиданно, — удивился Петя, уставившись на Аню в дверях; ненавидеть его на расстоянии оказалось проще, чем глядя в глаза.

— Что, прямо совсем плохо подстригли?

— Ну, ты же для конспирации...

— Блин!

— Успокойся, тебе же всё идёт!

— Ой, — из комнаты выбежала и замерла Маня.

— Не топай, — одёрнула её Аня. — Есть пошли. Читай! — она вытащила из пухлых пакетов с едой газету и протянула Пете.

— Я так и знал, — он со вздохом сложил газету, ударившую его действительностью наотмашь. Безучастно отломав кусочек столь долгожданного хлеба, вяло жуя, он поплёлся к кровати, есть расхотелось до тошноты. Сзади из Петиних джинсов болталась такая же понурая, как он, длинная драная тряпка.

— Что это у тебя висит?

— Хвост, — невозмутимо пояснил Петя, рухнув ничком на кровать.

— Мамочка, и у меня есть хвост, — похвасталась Маня, вытаскивая из-под попы свой дырявый

экземпляр. — Мы лисички, — соскользнув со стула, она опустилась на четвереньки и засемила к обездвиженному Пете. — Лисичка, а лисичка, — Маня с пола забралась на кровать и, обняв Петю, шептала ему на ухо, — пойдём в тёмный лес.

В тёмный лес — это под кровать. Пока Аня сидела в парикмахерской, покупала еду, газету и телефоны, Петя до боли в коленках ползал с дочкой под кроватью: единственное, чем он мог заняться в чужой и пустой квартире в отсутствие работы и связи с внешним миром. Накануне он наметил себе план на сегодняшний день, как обычно, невыполнимый за 24 часа, и вот мается от безделья. Ане предстояла та же участь, скука жуткая, при этом ребёнок требовал внимания.

Петя лежал ничком поперёк кровати, вокруг него ползала дочка, пытаясь поднять, но он сам вернулся из небытия на кухню:

— А что с домом?

Аня показала ключи.

— Ехать надо завтра, — Петя внимательно изучал инструкции. — Я думаю, даже сегодня ночью, чтобы успеть на четырёхчасовую электричку.

— Ты с ума сошёл? А где ночь болтаться?

— Не всю ночь. Уйдём после двенадцати в Колпино, там перекантуемся.

— С ребёнком! — но дело было не в ребёнке: Аня не переставала верить, что ситуация

поменяется, и в лучшую сторону, не сейчас, но в следующую минуту непременно.

— Может, твои помогут? Ты телефоны купила?

— Да.

— К родителям на такси поезжай, в метро опасно.

— Опять такси...

— Денег хватит. Представляю, какой из-за меня на квартирах переполох, ни на одном объекте не появился, телефон вырублен, дома никого нет. Что они решат? — в Петинем голосе слышались некоторые мечтательные нотки.

— Ничего хорошего.

— Контакты начнут пробивать. Как бы на родителей не вышли.

Родители Пети проживали под разными фамилиями в новых браках, для обоих удачных, разбежавшись, как от кошмара, от холодных берегов Белого моря, где прошло его детство. Петя был их совместной ошибкой, за которую они заплатились, но, хоть и чувствуя себя отсохшей боковой ветвью в семье матери, предоставившей кров, он никак не мог этого уяснить, поверить. Что он им такого сделал?! Но взгляд матери скользил по нему, не задерживаясь: слишком хорошо ей было с новым мужем и новым ребёнком. Отец вообще канул, как в омут, в другую жизнь. И никакие Петины блестящие отметки или похвальные грамоты не избавляли его от ощущения, что он всё делает неправильно, отчего заслужить

утраченное внимание матери, несмотря на старания, у него никак не получается. А потому он закрывался у себя в комнате и уплывал в свои миры, откуда ни уговорами, ни силой его было не вышибить ни в нахимовское, ни в суворовское училище.

Петин отъезд в тогда ещё Ленинград слёз не вызвал, как и волнений со вступительными экзаменами. Считалось, что у него всё сложится удачно. Так и произошло: Петя легко поступил на архитектурный в ЛИСИ и вскоре так же легко вылетел, но его проблем и даже мытарств не замечали, пути их преодоления оставались неизвестны — ни когда он был рядом, ни тем более за тысячу вёрст. И он считал так же, привыкнув не жаловаться и со всем справляться сам. Со временем появившиеся жена и ребёнок были от его родителей ещё дальше, чем он сам, а потому ни нареканий, ни тепла не последовало. По негласному и взаимному согласию звонил Петя в семье родителей нечасто, по карте из автомата (из экономии и нежелания разбираться с платежами коммуналки), слушая, как у них дела, и на встречный вопрос отвечая: «Нормально».

— Уйдём с квартиры, позволю и предупреджу. Не хочу даже думать об этом, — Петя погрустнел.

— Ангел над тобой витал, когда ты разговор подслушал, — Ане жалко стало его, но язык вывернул вымученную высокопарную

фразу. Петя пропустил фальшь мимо ушей, не заметил, в который раз мысленно вылетая из окна второго этажа пацанского офиса.

— Точно, витал, и когда в мусорку прыгал, тоже витал. Господи, как же я сдрейфил, чуть не обделался.

— Ужас! В таком виде на улице... В метро не войти, в такси не сесть, — Аня почти развеселилась.

— Я не обделался, заметь, — Петя прервал рассуждения на тему «Что делать, если...», — в Москве, говорят, одного архитектора в камине сожгли.

— А у Софронова на спине правда след от утюга или это трявят?

— Сама спроси, — Петя помолчал, беседа приняла неприятный оборот. — Семёныч меня уважал...

— И?

— Он не один решает. Витя — чисто зверь, мстительный, упоротый.

— А Андрей?

— Этот вообще не пойми кто. Я думаю, он их всех когда-нибудь заложит.

— Лавка перейдёт приказчику? — Ане приятно было спрашивать об Андрее.

— Типа того... Он даже квартиру не покупает, живёт на съёмной, говорит, купит, когда семья будет, — Петя не обратил внимания на самодовольную улыбку жены. — А я думаю, связывать

себя не хочет, чтобы дёрнуться и свалить в любой момент.

Наступила пауза. Пошли есть, всё холодное: колбаса, нарезка, овощи, хотя долгожданный чай несколько взбодрил.

— Родителям передам наш архив с фотками. Зачем переть? — почти обрадовавшись, что нашла себе занятие, Аня принялась перетряхивать вещи, выудив чужунную шкатулку и собачку.

— Это что, я всё на себе тащил? — Петя держал в руках массивную чернильницу.

— Предлагаешь бросить? Ну, жалко было там оставлять... Вдруг дверь взломают...

— Да ладно, всё уже, — беззлобно отмахнулся он.

Солнце незаметно пропало, поглощённое бесцветно-серой низкой облачностью, квартира погрузилась в сумерки, а беглое семейство — в апатию. Можно было почитать «Библию по AutoCAD», но мозг решительно отвергал любую информацию, даже Маня не терзала своим «Мойдодыром».

Петя посмотрел на часы: до встречи Ани с мамой оставалось слишком много времени, но для её мамы время летело безжалостно быстро.

Глава 5

— Ну, что? — встревоженно спросил Александр Михайлович, отец Ани, когда её мама, Наталья Сергеевна, положила трубку

после ночного разговора с дочерью.

— Они скрываются от своих бандитов, — набрав глубоко воздух, едва выговорила она.

— Да-а-а-а...

Сидели молча, согбенные, пунцово-красная Наталья Сергеевна и побледневший Александр Михайлович.

— И почему он связался с подобной публикой? В этом их самостоятельность? — вопрос, на который Александр Михайлович не первый год себе отвечал: «Хотят сами физиономией углы считать!»

— Где мы им найдём жильё? — Наталья Сергеевна была прагматичнее.

— Подальше отсюда, в глуши.

— Подумать надо, у кого дом в деревне. Петровы?

— Лучше не связываться.

Однако Наталья Сергеевна набрала номер мадам:

— Здравствуй, Зоя...

Не имея возможности вставить словечко, она прослушала жалобы Зои Семёновны на сон, стул (нерегулярный), на частую отрыжку. Единственное, что удовлетворяло Зою Семёновну, так это полное отсутствие белка в моче. По истечении двадцати минут она капризно пожаловалась, что времени у неё в обрез, что Наталья Сергеевна и так её заболтала, и повесила трубку. Но ей пришлось заново её поднять и выслушать коммерческое предложение, возникшее потому, что у зятя — своих девочек Наталья

Сергеевна пожалела — астма, и ему крайне необходим свежий деревенский воздух.

— Ну, я не знаю, — протянула Зоя Семёновна. — Это так неожиданно, — и попросила перезвонить завтра.

И они выключили свет и легли в кровать, именно легли, потому что спать, несмотря на машинально-ежевечерние приготовления, не могли. Но и лежать с закрытыми глазами оказалось совершенно невозможно, и причина не только в бездействии и неспособности повлиять на ситуацию хотя бы до утра, а цепкий ужас, незащищённость перед возможной бессмысленностью любых действий. Как оценить степень безопасности, находясь на круговом обзоре? Это и составляло фонтаном приливать кровь к затылку Натальи Сергеевны и выжигать болью сердце Александра Михайловича.

Отец Ани сел, обречённо спустил с кровати худые ноги, включил бра; в освещённый круг попали два одиноких больных человека по разные стороны кровати. Он надел очки и, нащупав пальцами пульс, молча следил за секундной стрелкой часов, вздохнув, положил под язык таблетку. Не суетясь, он достал манометр, Наталья Сергеевна надела манжету, толчками сдавливающую руку в такт сжимаемой груше. Давление Александра Михайловича оказалось чуть ниже. Спустя некоторое время он поднялся и,

шлёпая жёсткими тапками, потащился к аптечке за шприцами и ампулами, медленно ввёл жене парализующую ногу магнезию, после чего сам выступил в роли больного. Он выключил свет, взбил подушку и сел, казалось, так лучше, но только на короткое время, после чего он опять поменял положение.

— Эти энергичные ребята удобно обустроиваются, — произнёс он, долго слушая неровное дыхание жены, подтверждающее, что она не спит, — с каждым днём всё смелее и наглее, и сопротивление наверху они не встречают. Значит, всё идёт, как должно, — продолжал он в темноту. — Другими словами, раз ситуация вчера мало отличается от сегодняшней, то, согласно экстраполяции, так будет и завтра, и послезавтра. Форма внешняя обязательно поменяется, но суть — нет. Более того, они подминают под свою идеологию равнодушное большинство, и быть честным и порядочным постепенно становится опасно.

Наталья Сергеевна вздрогнула от его голоса, она не спала, но пребывала в состоянии, когда каждый неожиданный звук мучителен.

— Меня больше волнуют не высшие материи, а что пролежу до утра, не сомкнув глаз.

— Нам следует приспособливаться, новый порядок прочно устанавливается, и он коснулся нас.

Так, усаживаясь и укладываясь, они провели большую часть нескончаемой ночи, пытаясь хоть на час забыться, чтобы к утру иметь силы, полностью отключив мысли о единственной дочери и внучке, прочитать лекции, провести лабораторные работы, не потерять нить рассуждений, не заблудиться в n-мерном пространстве, не захлебнуться в прямых и отражённых волнах и не опозориться перед студентами, потеряв в собственных глазах иллюзорное превосходство над молодостью, напряжёнными гормонами, вытесняющими воздух вокруг себя доминирующим горячим запахом пота.

На завтра в даче было отказано наотрез.

Если родителям до места встречи совсем рядом, то Ане предстоит проехать через весь город на тачке, а это деньги, учитывая, что дохода на ближайшие месяцы не предвидится.

Раздражение Ани рассыпалось, исчезло, едва она увидела родителей на скамейке: покорно сторбленную мать и неестественно прямого, напряжённо застывшего отца, — постаревших до обезличивания. Они пришли заранее, и говорить им не о чем, всё сказано, они просто сидят, гоня прочь обрывки тревожных мыслей. На них не задержится взгляд, соскользнёт, остановившись на прохожих, спешащих через парк в метро или обратно,

или на бегунах с наушниками, наматывающих по дорожкам километры в предвкушении тёлого расслабляющего душа, или на вкохчущих мамашах, припозднившихся на прогулке с детьми. Их не запомнить, одетых с аккуратной бедностью, может, это и к лучшему.

— Привет, — бросила Аня с наигранной небрежностью.

Отец глубоко набрал носом воздух:

— Ну, садись, рассказывай всё по порядку.

— Вот ваши симки, номера ваши и наши мы написали... — Наталья Сергеевна торопливо проговорила, чтобы не расплакаться, но в конце фразы голос дрогнул, и сдерживаться она уже не смогла.

— Мама, я ещё жива, и все мы живы-здоровы...

— Что всё-таки произошло? Объясни нам, — строго спросил отец.

Аня вкратце рассказала о ночном визите к бизнесмену, о подслушанном Петей разговоре, о бегстве, главное, незамеченном, и в заключение протянула купленную утром газету.

Наталья Сергеевна подняла красные влажные глаза:

— Когда я увижу Машеньку, это будет уже совсем другой ребёнок. Она забудет меня.

— Наташа, не накручивай себя, и так уже... — про давление Александр Михайлович не сказал, а дочь и не спросила, но

была благодарна отцу за отсутствие нотаций.

— Вы нашли, куда уехать?

— Да, — носком туфли Аня медленно расчищала гравий дорожки, сверху светлый, мелкий и подсохший, снизу крупный и влажный. — Ну, я ещё не решила, может, я здесь останусь, — она искала поддержки в своих уже сдувшихся сомнениях.

— Как не решила? — мама быстро утёрла слёзы, с надеждой глянув на мужа. — Может, ей действительно остаться, а?

Мысль, что дочь вернётся к ним, показалась ей замечательной, и как же они без Пети дружно заживут, главное, безопасно.

— Да, — продолжала Аня, — они его ищут, не меня.

— А ты уверена, — медленно проговорил отец, железной логикой разбивая её иллюзии, — что эти самые братки поступят так, как тебе думается?

«Нет, не уверена», — вздрогнула Аня, чувствуя, что тот, другой мир отделён от её утончённого восприятия глухой стеной, и что творится там, понять и предугадать ей не дано.

— Чем скорее вы уедете, тем лучше, — напутствовал отец.

— Хозяева квартиры возвращаются с Кипра только через четыре дня, — протянула Аня.

— Опять бандиты! — вскрикнула мама.

— Да тише ты, ма.

— Я уверен, вас ищут. Уезжайте завтра.

— А почему именно завтра, а не послезавтра? — заартачилась Аня.

— Завтра у меня свободный день, а послезавтра первая и вторая пары — лекции, — продолжал отец, перейдя к конкретным вопросам. — Как добраться до вашего прибежища?

— На электричке до Малой Вишеры, с Московского вокзала. Годится только одна, в восемь, потому что в четыре мы не поедem.

— Слушай меня дальше, — инструктировал отец, свернув на привычную стезю преподавателя. — Завтра в половине седьмого утра я возьму на Витебском вокзале такси, заеду за вами, какой у вас адрес?

Аня назвала.

— Хорошо, — продолжал отец, записав номер линии и дома, — мы встанем напротив дома, ждите звонка и сразу выходите. К семи часам вы должны быть одеты, вещи собраны. Я вам звоню три раза, три раза вы сбрасываете. Мы поедem в Тосно.

— Почему в Тосно?

— Так безопаснее. На Московском вас могут искать. В Тосно вы сядете на электричку на свою Малую Вишеру, — отец был профессионально чётко и на шаг вперёд предусмотрителен. — А дальше куда?

— Ой, дальше полная ж...: автобус и шесть километров лесом.

— Анечка, я вам старое постельное бельё завернула, бросите, когда будет не надо, и поесть собрала: свининка запечённая, с картошечкой, морковочкой, — ввернула мама.

Мама готовила вкусно, необыкновенно вкусно, но Ане привычнее было отмахнуться, чем согласиться.

— Мам, лишние сумки тащить.

— Бери, — вступился за жену Александр Михайлович. — В пустой дом едете и, кстати, холодный. Вот вам фонарик на всякий случай, если поздно доберётесь, батарейки я вставил новые.

— Да, ещё аптечка, аварийная: валидол, обезболивающее, аспирин. И прихватила на всякий случай пенициллин со шприцами, — собирать в поездки аптечку вместо косметички маме стало привычнее.

— Мы там что-нибудь купим. Ой, чуть не забыла, — Аня вытащила старые телефоны. — Толкните их в разных районах города, чтобы отвлечь от нас. Да, мам, ещё эти сумки с фотками, кассетами, и тут ещё каслинское литьё, мы побоялись их оставлять, вдруг они вздумают дверь ломать, а тащить в деревню не хочется, и так вещей много.

— О господи, — мама никак не могла привыкнуть к сложившейся ситуации.

— Пока, — Аня вскочила.

— Подожди, — осадил её отец.

— Как только приедете, пошлите сообщение.

— Только обязательно пошлите, — мама умоляюще снизу вверх глядела на вскочившую дочь.

— Ну, я побежала, — и, оставив им сумки с каслинским антиквариатом и семейным архивом, Аня вскочила, весело чмокнула их в щёки, как если бы упорхнула ненадолго.

Родители остались сидеть, времени у них теперь — вагон, отсутствие хлопот обернулось не отдыхом — одиночеством.

Мамин холодный ужин, разложенный на белеющие в темноте одноразовые тарелки, оказался единственным развлечением за вечер. Маня, деловито перетаскив с кухни самую большую коробку, забралась в неё, соорудила домик и даже потребовала туда еду, яблочко. Притихнув и покончив с яблоком, она заёрзала внутри коробки, стуча ногами и руками по стенкам убежища. Выбравшись оттуда и опрокинув домик, она уселась на полу, обиженно вытянув, как кукла, прямые ноги. Вне домика заняться было совершенно нечем, она полезла на хозяйскую кровать — и здесь тошно, и здесь не лучше. Запертая в пустой чужой квартире, всего с несколькими своими игрушками, она изнывала от скуки.

— Хочу в свою кроватку, эта плохая! — ещё немного, и она

начнёт реветь. Опередив события, Аня потащила её в ванну.

Все немногие выпотрошенные вещи были уложены обратно в сумки и мешки, будильник на завтра поставлен, делать было совершенно нечего, разве что смотреть, как, сидя в ванне, Маня переливает воду из одного пластикового стаканчика в другой, из полного в пустой и обратно, не всегда попадая. Вода проливалась мимо, в бурлящую ванну, тогда девочка погружала вглубь мягкий белый стаканчик, заполняя его по кромку, и процесс перелива воды начинался сызнава. Журча, бурлила вода в джакузи и, выливаясь из одного стаканчика в другой, действовала парализующе; в конце концов Аня нашла в себе силы вытящить из воды замерзающего ребёнка, вытереть и одеть.

Втроём, среди скомканных курток, шарфов и кофт, на одной кровати, в огромной пустой комнате они были как потерпевшие бедствие на плоту. С закрытыми глазами Петя, притихнув, уткнулся носом Ане в затылок, стриженный, с незнакомой колючей щёткой волос, с их резким парикмахерским парфюмом, чужим. Петя делал глубокий вдох, и тот хорошо знакомый запах Ани, не перекрывающийся никакими спреями и гелями, вызывал острейшее желание выпить её аромат, сделать ещё вдох — и ещё, без выдоха. Петя запыхтел, Аня обессилела, и как только

Маня уснула, в тёплые булькающие пузырьки джакузи они залезли вдвоём.

Глава 6

Вернувшись за полночь из офиса после всеобщей сходки, Андрей повалился в кровать и спал как убитый, проснулся резко, с совершенно свежей и ясной головой, за несколько минут до будильника. Алина, дура, стол на кухне заставила какими-то зёрнышками, разноцветными ягодками, йогуртами, баночками и горячими девчачьими плюшечками, угодить всё хочет. Андрей сдвинул в сторону от себя все её старания:

— Что это?

— Как что? — пролепетала Алина.

— Я тебя спрашиваю, что это?

— он кивнул в сторону ягодок и зёрнышек.

— За-а-ав-трак, — Алина обиженно надула хорошенькие губки.

— Я на весь день уезжаю за город, понятно? Мясо грей! Сказал, быстро!

К дому Пети он подъехал минут на пятнадцать раньше условленного времени, запарковался как-то по-дурацки в десять приёмов, достал телефон — руки слегка дрожали, не попадая в нужный контакт.

— Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

«Фигня какая-то», — оторопел Андрей и стал ждать, но ни через десять минут, ни через пятнадцать Петя из дома не выходил, и телефон оставался вне зоны. Андрей мысленно выругался и позвонил на домашний, нетерпеливо слушая один длинный гудок за другим.

— Алё, — раздался мальчишеский голос.

— Смирнова позови.

— Дядю Петю?

— Ага.

В трубке послышался скрежет, это её куда-то положили, затем звуки удаляющихся шагов и потом приближающихся.

— А нет их.

— Как это нет? — опешил Андрей.

— Так нет.

— Позови кто есть.

— Дверь заперта, я стучал.

— Куда они делись? — но мальчик уже повесил трубку, у него школа, уроки.

«Дела... — подумал Андрей. — Идти самому стучать в закрытую дверь? В какую? И что изменится?»

Но другого выхода у него не было. Он перезвонил на стационарный, уточнил номер квартиры, теперь уже у бабули, подошедшей к телефону, вылез из машины, прошёл во двор, отыскал нужный подъезд. Дверь в квартиру, судя по голосу, открыла та же старушка, сухонькая, маленькая, сгорбленная, в белой наглаженной кофточке,

поддетой под чёрное не то платье, не то сарафан, вдобавок на старушке был надет аккуратный передник, а белые, как лунь, волосы где-то сзади заколоты.

«Домработница? Кругом фигурия. Персонал, в коммуналке?» — оглядывая коридор, удивился Андрей. Его мать ходила по квартире в застиранном ситцевом халате, Алина тоже в халате, но прозрачном и с какими-то торчащими розовыми попугайскими перьями.

— Вам кого? — поинтересовалась старушка. Сложив на животе крупные узловатые руки, она снизу вверх смотрела на него глазками, утонувшими в складках тонкой, покрасневшей, морщинистой кожи.

— Смирновы дома?

— Анечка точно должна быть, — старушка, шаркая мягкими тапочками, засемила вглубь заставленного разным хламом коридора, стены которого оклеены были новыми обоями совершенно разных цветов и фактуры, но поразительно знакомыми Андрею.

«Куски неликвидные с ремонтируемых квартир натырил архитектор, ремонт сделал. Типа чисто, и денег не потратил», — догадался он.

Старушка тем временем постучала в дверь комнаты ещё раз, ещё позвала — никто не отзывался.

«Точно не персонал, в таком сарае, — думал, глядя ей вслед, Андрей. — И как Она может

здесь жить? Её это что, устраивает? И муж тоже? Петя-Петя-петушок, ну и имечко! Птица без полёта! Да ещё Смирнов! Как Она выделила его из десятка тысяч других Смирновых?» — но Анин образ не померк в его глазах, существуя возвышенно, независимо, в том числе и от цели сегодняшней операции.

— Странно, — сказала сама себе старушка. — В это время они дома...

— Что вы сказали? — не слышал Андрей.

Шаркая, старушка вернулась:

— Удивительно, но их нет.

— Вы их сегодня не видели?

— Нет, я недавно встала, пошла готовить себе завтрак, — старушка расправила передник. — Позвоните попозже.

— Ну хорошо, — Андрею ничего не оставалось, как убирать-ся.

— Они не могли уехать? — развернувшись в дверях, спросил он.

— Уехать? Не думаю. Мы, знаете ли, с Анечкой, — старушка слегка улыбнулась, — подружки. Она мне ничего об отъезде не говорила.

Андрей вернулся к машине. Что ему делать? Этот тип по-прежнему был вне зоны. Андрей позвонил на те объекты, где были стационарные телефоны: старые, полураздолбанные аппараты со свисающими лапшой проводами, стоящие на табуретках с кляксами застывшей водоземельсинки и окаменелого

цемента. Везде одна и та же картина: долгие гудки, на которые никто не обращает внимания из-за дрелей, перфораторов, гремущей музыки, призванной внести позитив, а затем ответ: «Не, не видели, не знаем».

Телефон Ани он сохранил, присвоив ему имя 1, послав на задворки списка контактов, в запас. Позвонить ей желание не возникало, не в силу мужской солидарности с её мужем, просто не возникало, тем не менее появившемуся предложению он почти обрадовался. Но и Анин телефон оказался вне зоны. Не нравились ему такие совпадения, но решил пока не бить тревогу и ждать.

— Вы где? — Семёныч позвонил ему сам, беспокоился за дело.

— Во дворе.

— Не понял, — по плану машина Андрея давно должна была проехать хотя бы Сестрорецк.

— Нету его.

— В смысле?

— А вот так, ни его, ни жены, похоже, смылись, телефоны вне зоны.

— Блин! Я же ему такие бабки дал на той неделе!

— На объектах не появлялся.

— Слышь, ты покарауль его, может, чё, а я пока не буду ребятам давать отбой.

— Понятно. Слушай, Семёныч, не смотрел, что камеры в офисе вчера писали?

В ответ в трубке долго молчали.

— Кто мне парил вчера его сегодня братъ, а? Где его, на хрен, искать?

«Блин! — думал Андрей. — Человек не один год молотит им квартиры и дачи, такими чужими бабками ворочает, а они о нём ничего не знают, даже ксеры паспорта не имеют! На тебе, дорогой, котлету денег, купи мне то-то и то-то. Приходи ко мне в офис, домой к жене. Дебилы!»

Андрею орать было не на кого, планируемая жертва вне зоны и домой не приходила. Он просидел в машине сколько выдержал, ещё раз позвонил в квартиру и, поговорив с косноязычным соседом, выяснил: «Нету их». Старушка, пожалуй, могла быть единственной соломинкой.

Старушку, именем которой за ненадобностью не поинтересовался Андрей, звали по паспорту Полиной Карловной, а при крещении, когда ещё не созрела необходимость подделываться под национальное большинство, — не только Паулиной, но ещё и Эмилией. Со временем забылось не только второе имя, но и первое, появилась Полина, обычное дело, когда безмолвный найдёныш начинает откликаться на новую кличку в новой жизни.

Полина Карловна вернулась к остывающему завтраку в свою аскетично опрятную келью, коробку, как она называла трамвайно длинную комнату с единственным окном, упирающимся в выступ

стены противоположного дома. На круглом столе, покрытом скатертью и поверх неё для чистоты ещё клеёнкой, стояли одна изящная и скромная чашечка с блюдцем, одна тарелочка и ковшечек с кашей, крохотный, как для ребёнка. Звякнув металлом о фарфор, шлёпнув в тарелку малую часть любимой каши, толкнув, она увенчала её кусочком масла, медленно расползающимся в желтоватую пузырящуюся лужицу. Поковыряв без аппетита кашу, отнесла её на кухню, вымыла посуду, заварила чай. Утренний ритуал — свежий чай с половинкой шоколадной конфеты — прошёл незамеченным.

Давным-давно, когда она была и молодая, и красивая, то слыла превосходной кулинаркой, поварихой, пироги пекла, маковки, ватрушки для своей семьи. Но семьи нет, и большую часть жизни она провела одна, типичная история, точнее, историй три — две маленьких дочки и муж. В последние годы Полина Карловна очень остро чувствовала своё одиночество и вот позволила себе привязаться к этой девочке, не к её ребёнку (с детьми она разучилась ладить, да и сумятицу они вносили в её одиноко-размеренную жизнь), — привязаться к Анечке. Раз или даже два раза в неделю, постучавшись, Анечка, приоткрывая дверь, заглядывала поболтать. Она единственная, кто интересовался её жизнью, привлекая на свет и с любопытством

разглядывая фотографии, на которые Полине Карловне порой было больно смотреть. Но прикосновения к ране становились необходимыми. В чём причина? Может, в проживании заново, возвращении в прошлое, когда мёртвые были живыми? В умении этой девушки слушать и, как ей казалось, слышать или в интересе к истории, в которую для неё превратилась жизнь Полины Карловны?

Вчера днём ещё Анечка порхала на кухне, а сегодня раз — и пропала, не предупредив, не обмолвившись словечком. Полина Карловна чувствовала себя глубоко оскорблённой, обманутой, а ведь она хотела, когда придёт время, оставить её кое-что на память о себе, например, карманные серебряные часы своего покойного мужа Отто.

Пять настойчивых звонков отвлекли её от грустных мыслей. Звонят пять раз — это к ней, но в дверях стоял всё тот же знакомый молодой человек.

— Здравствуйте ещё раз. Не приходили?

— Нет.

— Можно пройти? — и, не дожидаясь ответа, отеснив старушку, широкими шагами Андрей прошёл вглубь коридора. — Где их комната?

— Следующая дверь, — Полина Карловна так возмутилась, что не смогла протестовать.

Между тем Андрей с силой подёргал ручку двери:

— А почему столько замков?

— Я не считаю для себя возможным интересоваться чужими делами, молодой человек, — старушка выжидающе глядела на него.

— Вдруг они все умерли, надо бы дверь открыть.

— Во-первых, кто вы такой?

— возмущение Полины Карловны почти выплёскивалось за границы вежливости. — Во-вторых, у них имеются родственники.

— Отлично! Дайте-ка мне их координаты.

— Что значит «дайте-ка»? Я с ними не знакома!.. Мне кажется, — выдавила Полина Карловна после некоторой паузы, — что вы, молодой человек, грабитель. Знайте, в квартире я не одна, есть люди, и мы вызовем милицию.

Полина Карловна блефовала, кроме неё в квартире находился, точнее, валялся вечно пьяный Толян, Анатолий, как она его называла. И у Толяна не было ни оснований, ни сил для вызова стражей порядка.

Андрей рассмеялся:

— Я их близкий друг, не могу их найти, — и он полез во внутренний карман дорогой драповой куртки за визиткой, окунув Полину Карловну в облако своего дорогого парфюма. — Если появится информация, звоните, — он улыбнулся как можно шире.

Закрыв за назойливым посетителем дверь, Полина Карловна вернулась к себе в комнату. Что

за близкий друг, которого она ни разу не видела?

Надев очки, она, внимательно разглядывая, вертела визитку: с одной стороны золотыми буквами по-русски, с другой по-английски. «Значит, солидный человек, а я его незаслуженно обидела». Как же часто она думает о людях плохо! Старушка прочла название фирмы, что-то типа «ТранснационалИнтегрешен», и должность такая хитрая, что она никогда не слыхала, иностранное слово, даже не конструктор или инженер-технолог. Молодой, а уже столь высокая квалификация! И одет прилично, и одеколон приятный. Волна стыда нахлынула на неё, и желание при встрече непременно извиниться никак её не заглушало. Решив помочь ему чем сможет, она вдруг вспомнила его массивную бульдожью золотую цепь на крепкой шее, открывшуюся ей, когда он полез за визиткой.

«Ах, вот оно что, — догадалась Полина Карловна, — теперь всё встаёт на свои места, и потому бегство семьи Анечки вполне объяснимо. Хорошо, что им есть куда убежать, а не так, как в нашу молодость». Вот только дождётся ли она её возвращения? Если этот лощёный тип придёт, она ему ничего не скажет. Уж чего-чего, а молчать за свою жизнь она научилась.

К моменту повторного возвращения Андрея к машине выяснилось, что камера зафиксировала только приход Пети в

офис. Всё, человек исчез, зашёл в контору и испарился. Значит, он всё знает про себя. Самым опасным в сложившейся ситуации было то, что у взорвавшегося типа также имелась камера наблюдения на лестнице, и она совершенно точно зафиксировала Петину физиономию и время пребывания. И если менты вяло расследуют криминальные разборки, предпочитая, чтобы ребята сами с собой справились, то брат-близнец покойного землю носом разроет, но Петю отыщет, и тогда уже всем несдобровать: и Вите с Семёнычем, и Андрею, и всем, кто окажется поблизости, хотя последнее волновало мало. Таким образом, пацаны должны действовать на опережение.

Только зачем этот идиот ввязал в свои проблемы ещё и жену? С ней что делать?

В телефоне истерил Семёныч, велел ехать домой к Вите. Что там будет, Андрей представлял достаточно ясно: начнут валить вину друг на друга, один — перебирая чётки и злобно цедя слова, развалившись в кресле в позе цыплёнка табака, вывернув колени, направив в лоб детородный орган, другой — топая ногами и крича до хрипоты. Объединившись, Витя с Семёнычем обвинят во всём Андрея. Действовать надо, а не вину друг на друга валить. Распечатку звонков достать и контакты пробивать, хотя сложно, телефон у этого типа не

замолчал: строительные базы, магазины, заказчики, субрядчики, такое впечатление, что личной жизни у него не было, одна стройка.

Глава 7

Резкий ночной звонок оборвал их сон, и прежде чем успела сообразить, что это не будильник и звонят в дверь, Аня уже сидела с открытыми невидящими глазами, уставившись в темноту.

— Мамочка, это Бармалей? — ища защиты, дрожащим голосом спросила Маня.

— Тихо! — шёпотом отрезала Аня, прыгнув в Петину сторону и вцепившись обеими руками в него, рванувшего из спальни в прихожую открывать дверь. Пытаясь высвободиться, Петя резко дёрнулся, и Аня, не разжимая пальцы, обломав ногти, на коленях скатилась с кровати на гладкий скользкий пол, опрокинувшись на бок и едва не ударившись головой.

— Ты чего? — недоумённо спросил Петя, проснувшийся мгновенье назад.

— Это они! — со свистом зашептала Аня, разжав руки и отпустив его. — За нами пришли! Они!

— Мамочка, кто это «они»? — Манин голосок одиноко-звонко прозвучал в тишине.

— Блин, — Петя рухнул на кровать, схватившись за голову. —

Пацанов так в армию забирают. Четыре часа утра! — он посмотрел на мобильник.

В несколько приёмов Аня приподнялась, морщась, обеими руками поглаживая ушибленные колени, пытаясь заглушить боль, она медленно и долго выдыхала воздух, с усилием, до последнего глотка, но как только приходилось делать вдох, боль нарастала, вырываясь в тихое поскуливание, и ослабевала с новым длительным выдохом. «Что прикладывают на уши? — вспоминала Аня. — Тепло или холод?»

— Как Гитлер, — вместо ответа на вопрос резюмировал Петя.

— При чём тут Гитлер?

— В четыре утра напал, в самый сон. Пошли в соседнюю комнату, посмотрим, что на улице творится, в те окна фонарь не светит.

— Мамочка, они нас поймут? — девочка, чувствуя, что родителям не до неё, тянула на остеклённые от страха глаза шершавую мамину куртку, вторую ночь служившую одеялом.

— Нет, спи.

Но спать по команде девочка не могла, и поцелуй в лобик если и успокоил её, то поверхностно, ненадолго. Спрятавшись под куртку по самые глаза, она обречённо переводила взгляд с папы на маму, с одной тёмной, неясной и далеко стоящей фигуры на другую. Но они двигались в противоположные стороны: Петя, осторожно встав с

кровати, крался на цыпочках к окну гостиной — выяснить, кто явился его забирать; Аня, гонимая непрекращающейся болью, — через прихожую в ванную, положить холодную примочку на коленку.

В домофон, испытывая их выдержку, позвонили дольше и настойчивей. Все замерли: Аня в прихожей, дочка на кровати, Петя в другом конце спальни, между светло-жёлтыми прямоугольниками окон на полу. Стало так тихо, что все они услышали осторожные шаги на лестнице. Приближаясь, шаги, шкрябая, делались громче и увеличивались числом. Шагал не один, двое... трое. Четверо! Один ступал мягко и аккуратно, другой — шаркая, далее следовали шаги неважно. Но все четверо неминуемо приближались к своей цели — наверх, к ним!

Значит, у тех, что идут за ними, был ключ, и они собираются попасть в квартиру, а не просто позвонить наудачу, проследив, загорается ли свет в окнах. Когда шаги затоптались на месте, остановились, послышались сосредоточенное дыхание и бряцание доставаемых ключей. Аня обернулась, чтобы зацепиться за Петю взглядом, инстинктивно ища поддержки, но он замер далеко через проём, боясь лишним движением выдать себя, разрушить тишину, не смея приблизиться ни к дочери, ни к жене. Маленькая девочка лежала одна на чужой безразмерной кровати,

в темноте, затихнув, зарывшись под куртки и тряпки. И сколько у неё хватит сил терпеть этот страх, не выбежать из комнаты с криком и плачем «мама», не прижаться к ней, обхватив колени? Аня почувствовала, как кровь, горячая, густая, настолько прилила к голове, что ещё мгновение — и она хлынет через горло, ноздри, выдавит наружу лопнувшие глаза и с хлопком разорвёт барабанные перепонки. И ничего её уже не спасёт: в замок осторожно и не торопясь вставлялся ключ. Сейчас он повернётся, слышится один щелчок, второй, третий, распахнётся дверь, и они все трое умрут. Ключ заёрзал.

— Чёрт! — это был Андрей. Аня вздрогнула.

«Ну, говори! — хотелось выкрикнуть ей. — Говори, не молчи, я хочу тебя слышать!»

Господи, какой же у него красивый густой голос!

Разрушить стену между ними единым взмахом, выбежать ему навстречу, положить на плечи руки, скользнуть под куртку по крепким рельефным мышцам, тёплым, сильным, обнять, прижавшись своей щекой к его, чуть колючей, — это всё было совершенно нестерпимым желанием, исчезли страхи о Мане и тем более о Пете. Она беззвучно подалась в сторону двери, вздохнула... Андрей шёпотом выматерился.

— Я так и думал.

Барабан замка вращался, но ключ в него, судя по звуку, не попадал.

— Не подходит, Андрей Юрьевич?

— Мне молдаванин ключ дал, сказал, от этой.

— Ну да. Когда ремонт заканчивается, он всегда барабаны замков меняет.

— Кто?

— Пётр и меняет, чтобы никто не попал. Ключи отдаёт хозяевам, вон тут сколько замков, а там ещё вторая железная дверь имеется.

— Вскрывать будем?

— А если там пусто? Не хватало мне ещё новых проблем с хозяином... Отбой, — приказал Андрей, ключи, извлечённые из замка, звякнули и затихли, упав в карман, где лежали ранее, шаги удалялись, спускаясь вниз. Затихая, они склеились, слиплись, и, кажется, один человек на первом этаже ушёл, раздражённо хлопнув дверью парадной, разбив вдребезги страх, спаявший Аню, Петю и их ребёнка.

Запах парфюма Андрея таял, сползая по ступенькам, от дверей, за которыми замерла Аня, вниз до первого этажа, прильнув у дверей, просочившись через щели в замкнутый чёрный двор, вытянутый через жерло подворотни на улицу, чтобы исчезнуть, утонуть во влажном ночном воздухе.

— Пойдём к окну в гостиную, там фонарь не светит, — Петя первым вышел из оцепенения.

Спрятавшись за складками штор и тюля, каждый у своего окна, они осторожно выгляды-

вали на пустынную улицу с висящей над ней цепочкой жёлтых фонарей, смотрели на припаркованные по обе стороны от неё машины. Которая из машин их чёрный воронок? Какие силы пришли их брать, находится ли кто за тёмными лобовыми стёклами? Сверху трудно понять. В тишине, нарушаемой лишь их собственным дыханием, отчётливо послышались шаги в подворотне, на улице, затем звук снимаемой сигнализации. Показались Андрей и те, кто с ним приходили. Хлопнули двери Volvo, и одновременно зажглись фары и габариты матово-серой шестёрки, не успевающей за рванувшим с места автомобилем Андрея, сверкнувшим дорогими заморскими сине-чёрными бликами.

— Volvo Андрея, — пояснил Петя. — Он приходил со своей командой в трениках. Сам он руки пачкать не будет. За окнами следил водитель из «жигулей». Всего пятеро.

— Не бандитский «бумер» и не «мерс», — Аня с печальным восхищением провожала взглядом машину Андрея, отдаляющуюся всё дальше, дальше и, наконец, исчезающую. «Прощай, мой милый разбойник Кудеяр, — думала она. — Уходи из моей жизни навсегда, пока я не побежала за тобой трусливой и услужливой собачонкой».

— Да, хорошая машинка, — Петя прервал её грустный ход

мыслей. — Он её за долги отжал, раньше ездил на Chrysler.

— А куда Chrysler дел?

— Не знаю, загнал, наверно, — мысль о возможном другом исходе дела Петю не отпускала. — В «жигуле» пятеро сидели. Для нас привезли. Валить.

— И ещё у Андрея.

— Нет, он эту гопоту к себе не пустит.

— Ты меня бросил! — вдруг вырвалось у Ани. — Одну бросил перед дверью, выставил, как на заклад!

— Ты сама туда пошла, а я не двигался, потому что боялся шуметь, — оправдывался Петя.

— Вот именно, боялся!

— Да я же барабаны замков поменял, сама слышала, просто думал, мало ли что.

Петя мог говорить всё что угодно, аргументированно доказывающее не только его безгрешность, но и предусмотрительность в замене замков и выборе квартиры, действия на Аню это не имело никакого, Бог сотворил homo sapiens так, что мозг его находится на значительном расстоянии от гениталий. Всё, что Петя делал или не делал, не воспринималось и не прощалось. И как ни старайся, ему не загладить вину, потому что главным его преступлением было, что он рядом, такой обыденный, протяни руку — вот он, и что его разлюбили, и он не Андрей. Андрею допустимо всё: от не подходящих ни под какие правила склонений

числительных до облавы сегодня ночью, причём цель последней нивелировалась перед Петинной провинностью.

«Блин! Получается, что молдавене с этой квартиры контактировали с рабочими с других моих квартир! И если бы я не поменял замки...»

— А-а-а-а! Мамочка! — пыжась, дотерпев до последнего, забытая пререкающимися родителями Маня бросилась с воплем к матери и, поджав ножки, вцепилась, карабкаясь по ней вверх.

— Ребёнок так заикой станет с тобой! — не унималась Аня. — Милая ты моя, храбрая девочка, — Аня, подхватив её на руки, родную, любимую-прелюбимую, почти демонстративно целовала нежное, обливаемое невидимыми в темноте слезами личико дочки.

— А вдруг они оставили кого-то? — мелькнуло у неё.

— Вряд ли. Я думаю, они решили, что здесь нас нет.

— Не проверишь.

Было начало пятого, около семи они собирались сесть в такси. Спать не получится, девочка, дрожа, вцепилась в мать так сильно, что оторвать её от себя, не вызвав плача, было невозможно, так они вдвоём не то сидели, не то лежали в кровати. И если глаза девочки, подвластные усталости, медленно закрывались, то лишь затем, чтобы рывком распахнуться и глядеть в пустоту, не мигая. Аня её только гладила по головке, целуя и тихо говоря

оптимистически-мечтательную ерунду, Маня ей верила и через какое-то время, успокоившись, уснула.

— Решил я заступить на пост, — полусхваченный сообщил Петя, подтвердив раздражённую уверенность Ани одновременно и в собственной вине, и в подхалимском желании выслужиться. Прячась попеременно у окна гостиной и кухни, самоотверженно следил то за улицей, то за двором, и так три с лишним часа, неслышно перенося от одного окна к другому колченогую табуретку, на которой он, садясь, едва ли не сразу засыпал, вздрагивая за миг до начала падения. Анино ровное дыхание, присоединившееся к дочкиному, послужило ему наградой за стойкость, заставившей его заулыбаться в темноте, прислонившись виском к холодному стояку батареи.

Ровно в семь напротив дома остановилось такси, и Петя не удивился трём сброшенным звонкам, это Анин папа. На выход, всё чисто! И всё же, увешанные мешками и сумками, они с опаской спускались по многочисленным ступеням лестницы. Петя приоткрыл дверь — двор пустой. Как же он обрадовался, что хозяева квартиры в своё время прислушались к его совету купить квартиру у выхода из первого двора, а не в третьем или втором дворе, за выступом, потом ещё раз за выступом, в зловонной нише, в полумраке,

за мусорными бачками, где неизвестно кто притаился и с какими намерениями. Для хозяина квартиры, Серёги, учитывая его особую деятельность, это послужило веским аргументом. Петя хотел похвастаться перед Аней, заслужить справедливое восхищение, но забыл, поддавшись всеобщей суматохе.

Пробежав коридор подворотни, хлопнув железной дверью ворот, они бросились к такси, где Анин отец уже помогал им быстро укладывать вещи в багажник. Дед уселся вперёд, семейство втроём расположилось на заднем сидении, машина тронулась с места, и за нею никто не последовал; не раз то Петя, то Аня оборачивались назад — никаких подозрений. Позавчера из дома они бежали на Васильевский, сегодня бегут обратно.

— Дедуля, здравствуй. Я тебя так крепко-крепко люблю. Ы-ы-ы, — и Маня изо всех своих детских сил обняла Александра Михайловича, сидящего рядом с водителем, вызвав у деда брызги слёз.

— Как спалось? — спросил он.

— Неважно. На, это тебе, — Аня протянула отцу сложенный листок бумаги. Тот, не оборачиваясь, его взял, аккуратно развернув, чтобы таксист не смог, скосив взгляд, прочитать: «Будьте осторожны, нас активно ищут, ночью пытались попасть в квартиру. Когда будем на месте, пришлём СМС. В воскресенье

поедем поближе к цивилизации. Звонить будем с 12 до 15. В это время будьте подальше от дома».

— Всё правильно, молодцы, — слёзы Александра Михайловича подсохли, и он старательно изображал оптимистично-бодрый вид.

Такси пересекло Неву по Благовещенскому мосту, мимо краснокирпичного треугольника Новой Голландии, далее пролетело между неоренессансными Маринкой и консерваторией справа и слева, приближаясь к насыщенному изумрудно-голубому барокко Никольского собора, и выскочило на Фонтанку. Поверх чугуна набережной Аня взглядом прочертила по загородной усадьбе Державина, не проникнув за решётку Измайловского сада. Сюда, в школу фигурного катания, ходила её преподавательница композиции в художественной школе. Задав детям тему «Зимние забавы», она рассказывала, как там заливали лёд, в свете жёлтых фонарей чёрным зеркалом отражающий ночное беззвёздное небо. Когда мохнатые снежинины плавно спускались на сверкающий темнотой каток, юные отпрыски, спортивные надежды бабушек, сверкая лезвиями коньков, разгоняясь и приседая, осторожно попой плюхались на лёд и катили под крики тренерши, оставляя за собой широкий, чёрный, гладкий след. Аня, замерев, слушала рассказы преподавательницы и рисовала

двух чукотских ребятишек в национальных меховых одеждах, одного на нартах, другого весело бегущего следом, и над детьми, и над снегом, от одного края бумаги до другого, раскинулось северное сияние, разноцветное: красное, синее, малиновое, розовое, окрашивая снег буйством своих красок. Детская фантазия превращала неоновозелёное северное сияние в радужное, а четыре близко стоящие кирпичные трубы, за Обуховской больницей, жёлтым домом, где метался несчастный Германн, так и не узнавший тайну трёх карт, — в четыре прямые столбообразные ноги улёгшегося на спину гигантского слона. Провожая взглядом почти каждый дом, Аня грустила, как при прощании, а дочка возбуждённо ёрзала рядом, и Петя спал, измотанный ночным дозором.

На Московском после Обводного Александр Михайлович попросил его высадить, жалко улыбаясь, он энергично простился со всеми и заспешил к метро. Машина тронулась, и зону видимости пересекали теперь чужие незнакомые люди.

Войдя в метро на Фрунзенской, Александр Михайлович доехал до Невского, перешёл на Гостиный двор, оттуда на Маяковскую, потом на Восстания, с него на Техноложку и, сделав последнюю пересадку, вышел на Московской, то есть, как в детстве, покатался. Он пришёл

в пустой дом, стал ждать жену с занятий, а вечером, вдвоём, — трёх телефонных звонков подряд или СМС. Завтра на лекции пойдёт он, и жене предстоит сидеть одной — и так до воскресенья, до разговора с детьми, только бы он состоялся.

Такси с беглецами проскочило мимо конструктивистских зданий начала XX века, объёмных версий живописных исканий авангарда, пересекло по касательной так и не ставшую центром города Московскую площадь с обрамляющими её послевоенными жилыми домами, несмотря на строгую нарядность фасадов и превосходящую высоту только подчёркивающими триумфальный Дом Советов, на крыше которого в блокаду слушачи определяли, в какую часть города полетит вражеский снаряд. С грустью вспомнив, что окна квартиры родителей из машины не увидишь, оставив без внимания Владимира Ильича с кепкой в руках, застывшего в энергичном балетном арабеске, Аня устремила взгляд через лобовое стекло на площадь Победы, а ранее Среднюю Рогатку, где до войны располагались немецкая колония и Третий красочный завод, директором которого был никогда ею не виденный дед, где в деревянном доме культуры имени Макса Гёльца отец маленьким смотрел потрясающий фильм — «Если завтра война».

Чуть склонив головы, машину провожали бронзовые быки Демута-Малиновского, предпочитающие мясокомбинат, где и встали на вечную стоянку, повернувшие вспять от бывшего Скотопригонного двора, куда по пыльному, грязному Московскому тракту с обширных областей России гнали на продажу бесконечные стада парнокопытных.

Всё, город позади, сбежали. Впереди однообразная до утомительности дорога, и Петя, продравший глаза, прощаясь с Александром Михайловичем, расслабившись, вновь уснул, свесив на грудь голову.

— Вам в Тосно куда? — поинтересовался, не оборачиваясь, таксист.

— А в Любань не хотите? — ответила Аня вопросом на вопрос.

— Это смотря сколько вы заплатите.

В Любани можно, не опасаясь, всем вместе сесть в электричку, занять места рядом друг с другом, там, где свободнее или никого нет, а не напротив железобразной бабы с закрытыми глазами, с редкими бесцветными ресницами, сложившей руки замком на коленях, вращающей большими пальцами то по часовой стрелке, то против, или внимательно их изучающей четы престарелых дачников.

И хотя Любань — это, безусловно, глоток свободы, но полной грудью получилось вздохнуть,

лишь выйдя из электрички в Малой Вишере.

— Тут же есть круговое депо! — первое, что пришло на ум Пете, ступившему на перрон и выгрузившему на него вещи.

— Я и забыла! — почти закричала в ответ Аня. — Я же знала людей, которые занимались в Вишере охранными зонами!

— Ты чего орёшь? Да ладно, — махнул рукой Петя, — ори сколько хочешь, здесь можно.

И, невзирая на вещи, увеличенные числом благодаря Аниной маме, они оббежали вокзал, заглянули вовнутрь, взлетели через десятки ступенек на высокий железнодорожный мост, даже Маня, измотанная долгой дорогой, припрыгивала от нетерпения. Всё легко, всё радостно, всё хорошо! Они ускользнули, они перехитрили, они вырвались из сжимающего железного кулака, готового равнодушно раздавить их до мессива! С высоты железнодорожного моста они разглядывали переплетенье рельсов, сходящихся и расходящихся, проследили за прошедшим под мостом, под самыми их ногами, гудящим поездом из Москвы в Петербург (а другой из Петербурга в Москву). Чуть замедляя ход, мимо вокзала, как десятки лет назад, следовали цепочки вагонов с пассажирами, качающимися в такт стуку колёс, спящими, читающими, глазающими в окно, пьющими чай из стаканов в металлических подстанниках, не видящими и не знающими тех, кто стоит на мосту.

Круговое депо, вернее, то, что от него осталось, располагалось в противоположной стороне от автостанции, то есть совсем не там, куда им надо было идти, но разве это имело значение? Легко перебираясь с вещами через рельсы, одни, другие, третьи, ступая на пропитанные гудроном чёрные шпалы, кочки, мусор, они достигли депо с круглой дырою в небо вместо купола, барабаном которого служили стены из красного кирпича, прорезанные аркадами с нишами для паровозов, когда-то заснувших и закрытых исполинскими деревянными воротами, или стоящими с новыми колёсными парами, или облепленными рабочими. Пыхтящий, свистящий паровоз, тонущий в клубах дыма, гари, чада, с улицы въезжал на чугунный поворотный круг, со скрежетом разворачивался и, покидая круг, ещё долго успокаивался, кряхтя, сопя и раскидывая искры в одном из стоек. И пока в депо всё гремело, лязгало, кричало, под навесами по низкой платформе вокруг вокзала степенно прохаживалась скучающая публика, ожидая смены паровоза, с любопытством заглядывая в венецианские окна здания, решая «а не выпить ли зельтерской?»

Каркающая рваная стая ворон, низко пролетев, стёрла, развеяла в невидимую пыль и тяжело дышащие паровозы со столбами дыма, и фланирующих пассажиров, и важного усатого дядьку — машинного мастера,

оставив обломки кирпичей, разрисованные стены, ключья травы и тонкие кривенькие деревца на продырявленной руинированной кровле. И, вдоволь наглядывшись на привычное запустение, они побежали обратно, наверх, на мост, через ступеньки, одну, другую, двадцатую, скатились вниз, нагрянули не то в кафе, не то в столовую, взяли по горячему борщу, котлете с макаронами, компоту и, расслабившись, едва не забыли про магазин. Нейтрализовав ребёнка коробочкой купленного сока и шоколадкой, хихикая, они распили из горла в укромном месте, передавая друг другу, бутылочку мерло. И, глядя в сузившиеся от смеха глаза Ани, Петя чувствовал, что он самый, самый, самый, он совершит подвиги, свернёт горы, лишь бы она смотрела на него как сейчас.

Чуть не опоздав на автобус, они совершенно не придали значение нечленораздельному бормотанию водителя о сокращении маршрута и, завалив вещами заднюю часть автобуса, почти сразу уснули, все трое, от сытости, счастья и усталости, безвольно мотая головами, когда автобус, пересекавший лес, швыряло с одной кочки на другую.

ГЛАВА 8

Сквозь сон Аня почувствовала, что болтать перестало, автобус развернуло, и, чихнув напоследок, мотор замер.

— Ну, выходить-то будем? — выжидающе спросил водитель.

Аня непонимающе захлопала глазами, когда последние две старухи покидали салон.

— Мы где? — спросила она.

Водитель назвал деревню.

— А мы не сюда ехали.

— Мало ли, что не сюда. Там дальше мост плохой, ехать нельзя.

— И далеко нам идти?

— Километров семь.

Автобус забрал нескольких человек, металлически клацнул дверями и укатил прочь.

Семь километров и дальше ещё шесть, итого тринадцать! Для четырёхлетнего ребёнка многовато, веселье сдулось, схлопнулось. Они стояли посреди грунтовой дороги, по обе стороны от которой тянулись деревянные домики с огородами и палисадами, но ни рябины с гроздьями красных ягод, ни яблоки, пестреющие в кронах деревьев, ни волны золотых шаров, нависших над изгородями, ни сочные крупные георгины под окошками не могли расцвести обрушившееся уныние и обречённость.

— Где наш домик? — канючила Маня. Ещё недолго, и её придётся взять на руки, только как, если они заняты?

— Его не видно отсюда, давай топай ножками.

— Не хочу-у-у-у...

И они потащились вдоль обезлюдевшей деревни, и те несколько человек, что попадались на пути, понимали: идут с авто-

буса куда-то. Под нескончаемые вопросы Мани о домике, медленно переходя от одного к другому, пересчитав их все до последнего, они вышли за деревню в поле, за ним дорога терялась в жиденьких клочьях перелесков, недосягаемых и, сколько бы ты ни шёл, остающихся бесконечно далеко, как солнце, месяц или разбросанные по небосводу звёзды. Там, где кустарники и деревца жались друг к другу, вытянувшись в нить, петляющую по полю, текла речушка, преграда, через которую был перекинут тот самый неисправный мост, дырявый, покосившийся, разъединяющий два берега. Петя самоотверженно нёс два рюкзака, один на спине, другой на груди, они сплющивали его, превращая дыхание в поверхностные судорожные глотки, доводящие до изнеможения. Сбросив мешки перед мостом, он повалился на берег. Отдышавшись, сказал:

— Я тебе должен кое в чём признаться...

Подозрения от любовниц до широкого спектра заболеваний, связанных с ними, парализовали Аню, лишили способности двигаться и мыслить. Не встречая преграды, Петя продолжал, всё так же лёжа у речки, напоминающей канаву:

— В конце прошлой недели братва выдала мне две с половиной тысячи долларов на мебель.

— Тебе всегда заказчики дают, — Аня не понимала, женский след в признании отсутствовал.

— Я их не успел потратить, они со мной.

— Но это нечестно! — возмутилась она.

— А что ты предлагаешь?

— Их надо вернуть!

— Как? Чтобы выдать своё местоположение? Оставить твоим родителям, пусть они вернут? Или оформить рублёвый перевод, предварительно обменяв неизвестно где? А мне убитый Капустин должен был! И что?

Несчастному Капустину, убитому два года назад, Петя делал ремонт. Не доделал. Налетевшие вороньём дальние родственники Капустина в отсутствие прямых наследников переругались до мордобоя, и Пете, кроме синяков, не светило ничего.

Аня молчала, два чувства в полном согласии овладели ей: радость за деньги и стыд за их присвоение.

— Получается, вор у вора дубинку украл.

— Да, будем считать, что это мой золотой парашют, плата за потерянную работу и клиентскую базу.

— Тогда у них ещё больше причин нас разыскивать.

— Пошли, я передохнул, — Петя помрачнел.

Идти по шаткому мосту было небезопасно, а потому они спустились вниз, сняли обувь, перепросили её через речку. Кроссовки упали в четырёх разных местах, и одна из них, Анина,

медленно поползла к воде. Закавав джинсы повыше и зайдя в ледяную воду, Петя подхватил кроссовку у самой кромки, затем принял от Ани дочку и перенёс её через речку, оставил одну на другом берегу, вернулся, перенёс рюкзаки, затем остальные вещи. Всё так же стоя в воде, он подал руку Ане, и она осторожно перебралась на противоположный берег, стараясь не поскользнуться на скользких камнях.

Сидя на земле, ключьями травы они пытались вытереть мокрые холодные ноги, стряхнуть с них застревающий между пальцами песок. Идти ещё далеко, натирать ноги нельзя. Обувшись, они выбрались из канавы и, грузёные, поплелись понуро, таща за собой болтающегося из стороны в сторону ребёнка.

— С автобуса? Устали небось? — из поравнявшегося с ними громящего трактора выглядывал мужик.

Никогда прежде Аня не видела подобного лица: глубокие извилистые морщины изрыли пергаментного цвета кожу, толстую, потемневшую на солнце, задубевшую на морозах, а редкие кривые зубы придавали улыбающемуся мужику зловещее выражение. Трактор, дребезжа, дрожал от мотора до прицепа.

— Я вас до деревни подвезу, — мужик широко улыбался во весь свой оставшийся десяток пожелтевших зубов.

Маня спряталась за мать и осторожно из-за неё выглядывала.

— Лезьте в кузов! — мужик вылез из тарахтящего трактора, открыл кузов, помог покидать туда вещи, Петя посадил Аню и дочку, вскарабкался сам. — Вам куда? На тот берег?

Петя и Аня на всякий случай кивнули.

— Я вас в конец следующей деревни проведу.

— Спасибо вам большое, — было неслыханным счастьем поймать попутку, хоть и такую. Пристроившись на досках и держась за борта прицепа, все трое смотрели вперёд, обдаваемые клубами выхлопов из трубы на капоте.

Дорога побежала быстрее, нырнула в перелесок, хлестнула по головам низко склонившейся веткой ольхи, качнула в одну сторону, в другую, выскочила на безлесый берег широкой реки и тряслась против медленно текущих тёмно-коричневых вод, поверх которых плавала рано выглянувшая кривая луна. Где-нибудь в Европе эта река была бы крупнейшей в любом из государств, а здесь — одна из средних, малоизвестных. Они покинули берег, пронзили насквозь сумрачный коридор, образованный сплетением полудеревьев-полукустов, вынырнули на поднимающееся вверх, брошенное, зарастающее поле,

в конце которого показалась деревня, ничем не отличающаяся от той, что они покинули. Трактор проехал вдоль деревни и остановился на границе следующего поля.

— Ну, всё, — мужик, выглянув из кабины, смущённо улыбался, его лицо делалось ещё более безобразным. Петя прыгнул, принял из кузова вещи, дочку, помог Ане.

Подбежав к кабине, Аня протянула деньги:

— Ой, спасибо вам большое, вы нас так выручили.

— Не, мужику деньги в руки нельзя давать.

— Мы просто хотим вас отблагодарить!

— Не, не. Мне ж проехать мимо вас как? С малым дитём тащитесь.

— Ну, возьмите хоть шоколадку, — Аня порылась в сумке.

— Во, это хорошо, чай попью дома. Деньги — они вам самим нужны, — бросил он на прощание, развернул трактор и, таща прицеп, уехал.

Получив помощь от того, кто был беднее и уязвимее, с чужими и своими долларами Аня с семейством стояли перед последним участком пути.

— Знаешь, что? — сказал Петя перед тем, как двинуться в путь.

— Что?

— Если здесь есть связь, надо позвонить твоим, потому что, когда мы доберёмся, идти

в темноте искать какую-то берёзу и какой-то куст или пенёк, где можно послать СМС, мне не хочется.

И он позвонил три раза, в ответ ему три раза сбросили, чрезвычайно обрадованные, что детям так быстро удалось добраться.

— Знаешь, я что ещё думаю? Нам не шесть километров идти, а пять, деревню-то мы проехали. Это радует.

Аня машинально кивнула, но теперь надеяться, что будет лучше, глупо: скоро стемнеет, все они устанут, помочь им уже никто не сможет, и, как в сказке, последнее испытание — самое тяжёлое. Они одни, совсем одни, но для родителей благополучно добрались.

Дорога, по которой машины проезжали несколько раз в день, грунтовая, с лужами, ямами, вывороченными камнями, медленно истончилась до вертявой узкой тропинки. И как волочить за собой сумки, когда одно колесо застрекает, утопая в песке, а другое наматывает на себя траву и перестаёт вращаться? Как преодолеть хаотично торчащие камни, мышинные дыры, кочки, в том числе и рыхлые, кротовые? Руки от лопаток, выкручиваясь в разные стороны, оторвутся с мясом, как у запечённой курицы с румяной корочкой. Ане сделалось жалко себя до слёз. Держась сбоку за железную ручку одной из сумок, семенила дочка, не поспевая, оттягивая её назад.

Аня казалась себе клячей, запряжённой в плуг, и плуг этот бесконечно вытягивает из неё жилы одну за другой. Жалость к себе рождала злость, а она — бессилие. Опережая дочку, Аня готова была разреваться в голос, как вдруг услышала за собой, как ей показалось, страстное дыхание, мощное, громкое. Она резко обернулась: за ней послушно, почти след в след, шлёпая неподкованными копытами, шла простая деревенская кобыла, коротконогая, толстобрюхая, с продавленной спиной, вытянув шею и обнажив перед Аниным носом крупные, выдающиеся вперёд жёлтые зубы. Сверкнув глазами на Аню и мгновенно потеряв к ней интерес, кобыла фыркнула, резво взбрыкнула и поскакала прочь, одна по пусто-му полю, свободно и спонтанно, а короткая набежавшая тучка швырнула её вдогонку горсть мелких брызг, оставив на бурой спине тёмные струйки. Следуя взглядом за удаляющейся с каждым прыжком лошадьё, Аня взяла дочку на руки, и та мгновенно уснула, как выключили.

— Неси мелкую, я пойду челноком, — оставшееся расстояние Пете предстоит пройти дважды, терпеливо снося боль в ноге, отёком распирающую кроссовку, накрывающую до изнеможения при подъёме мешков и чуть отпускаящую, когда он с выдохом опускал их на землю.

Пока двое бездумно плелись по продуваемому во все концы

полю, каждым шагом чувствуя, как тают их силы, небо медленно и неотступно темнело, мрачнело и сделалось почти чёрным, и тогда тропинка, достигнув обрыва, заросшего мелким сорным лесом и кустарником, съехала под откос. Не видя спускающейся тропы, чвакая в грязи промокшими ногами, путаясь в жёсткой осенней траве, боясь оступиться, поскользнуться, споткнуться о корягу или вылезший из-под земли змеёю корень, Аня прижимала к себе безмятежно спавшую дочку, вдруг сделавшуюся большой: то ноги у неё съезжали, то голова болталась. Девочке было явно тесно и неудобно, она словно расплзлась в подсознательном желании устроиться поуютнее, но её сон был слишком крепок, чтобы проснуться. Иногда Аня почти скользила под горку, выставив вперёд одну ногу и развернув поперёк движения вторую, тормозя, как в детстве. Не раз, пошатнувшись от усталости, она почти падала с ребёнком, но, замирая от страха и напряжения, едва успевала сохранять равновесие. Справившись с волнением, она делала следующий шаг под гору, а впереди шагов оставалось бесконечное число по бесконечно длинной дороге. Маня в своих детских снах далеко уплыла отсюда, и в памяти её ничего не отразится, разве что в будущем собственные фантазии неразделимо сплетутся с чужими воспоминаниями, но она никогда не узнает, как съезжала с рук

матери, как, едва не выронив, та передала её отцу и, дрожа от напряжения и бессилия, медленно опустилась на поставленный рёбром станковый рюкзак.

Спуск завершился у реки, чёрной, вязкой, сонно застывшей, далее тропа петляла по берегу, покрытому одинаковой величины округлыми камнями, превращёнными лунным светом в шершаво-пепельные черепа с залепленными глазницами и пробоинами под нос. Разбросанные, они мешали идти, о них легко можно было споткнуться, упасть и больно удариться, да и колёса сумок застревали между ними то попеременно, то вместе, то выворачивали их, исторгая из привычной влажной и холодной земли, заставляя катиться со звонким стуком к реке, застывать на полпути, повернувшись округлым лысым затылком. Вдогонку однообразному скрипу колёс сумок и шуршанию песка под ногами тишина на реке прервалась мощным всплеском хвоста неведомой рыбыны, ушедшей на глубину, где у самого чёрного дна бревном замер сом со змейками усом, шевелящимися в согласии с водорослями. Но глохло журчание реки, обходящей отдаляющиеся валуны, и вновь воцарялись пустота и тишина, только две тени брели у самого края воды, да висели недоступные небесные светила, да плыли по небу вспышки глаз самолёта. Но вот они исчезли из виду, и луна зашла за деревья. Дорога свернула

в бор со шпильями устремлённых вверх елей, с соснами, кроны которых темнели, с разлетающейся на ступах нечистью, замершей в своём бесовском движении по ночному небу, разодрав на нём тучи в клочья.

Петя монотонно то забирал вещи, уходя в темноту, то возникал из неё пустой, чтобы опять нагрузиться, как вол, усталый, безмолвный. Не чувствуя рук, Аня с ребёнком почти весь путь прошла одна, за её спиной зияла безмолвная чернота и пустота, или то, о чём думать нельзя и страшно, а лес, наступая непроницаемой стеной, сдавливал тропу, устанавливая границу, по ту сторону которой видеть не дано. Петя поставил плашмя один рюкзак, сверху второй, чтобы Аня смогла сесть и передохнуть, и осторожно взял у неё ребёнка. Аня положила голову на плечо пристроившемуся рядом со спящей дочкой Пете. Бесконечная дорога во времени и в пространстве вызывала навязчивые мечты о чистых простынях, о мягкой тёплой кровати и сне до обеда.

Вспомнив о фонарике, Аня положила его на сложенные лодочкой, почти детские маленькие ладони, порозовевшие до прозрачности, и тёплый жёлтый свет сферой охватил и её, и Петю со спящим ребёнком, отгородив от всего прочего неведомого мира, где, зарывшись в гущу ветвей, на деревьях спали, свесив клювы, птицы, где скакал прочь

испуганный голенастый заяц, где лось, приподняв горбоносую голову, втягивал ноздрями далёкий запах самки, поводя в разные стороны длинными ушами-пропеллерами.

Слушая дыхание дочки, Петя с Аней просто сидели и глядели на свет фонарика, сгущающий темноту вокруг них до твёрдости, но идиллия рассыпалась от необходимости выйти из оцепенения, найти силы, встать и пойти дальше. Обречённо вздохнув, Петя встал, ожидая, когда поднимется Аня, взял фонарик, передал ей дочку и взвалил на себя мешки. Свет фонарика в Петиных руках то удалялся от Ани, то, полоснув деревья, приближался, чтобы оказаться рядом, удалиться на десятки шагов в темноту и, возвращаясь, ползти к её ногам по тропе.

Но вот дорога оборвалась, лес распахнулся, образовав тёмное пустое замкнутое пространство, тупик, к которому они так долго стремились. Это деревня. Она встретила их немymi бревенчатыми избами, стоящими на чёрной поникшей траве, унизированной непрозрачно-зеркальной росой. И ни огонька, ни звука, только луна и низкими быстрыми тенями проносящиеся летучие мыши.

— Посвети-ка мне, — Петя развернул нарисованный хозяевами план деревни, заключённой между лесом и рекой. — Где наша изба? Наша хата почти с краю, третья, — попытался шутить он,

но Аня равнодушно глядела на новое жилище, к которому они добирались более двенадцати часов, преодолев две сотни вёрст. Усталость убила у неё все чувства. Не выключая фонарик, Петя довёл Аню до дома и, оставив с дочкой на крыльце, исчез за вещами. Вернувшись, он бесконечно долго возился с амбарным замком, но, сняв его, дверь открыть по-прежнему не мог, что-то держало её изнутри. Внимательно обследуя дверь, он обнаружил небольшое отверстие, из которого торчал засаленный хвост верёвки. Он потянул за него, и дверь, шершавая, сколоченная из широких самоспиленных досок, открылась.

— Смотри, как здорово! — воскликнул он. — Дёрни, деточка, за верёвочку, дверь и откроется!

Но он только разбудил дочку, и она принялась хныкать, Аня же не проявляла никакого интереса ни к дверным рудиментам, ни к капризам полусонной дочери.

— Видишь, — не забывая о своей специальности, сказал он, когда они поднялись по лестнице в сенях, — ступени в деревнях специально делают не на улице, а в сенях, чтобы снегом не заметало. А наши придурки устраивают себе кованые наружные лестницы, чтобы было что чистить зимой или падать, поскользнувшись на мокрых листьях, — Петя глянул на устало

поникишую Аню, но она никак не отозвалась на его рассуждения о лестницах. — Представляешь, с верхней ступеньки вниз по железякам?

Шаря фонариком по бревенчатым стенам, Петя нашёл счётчик и включил автоматы. Гремя коваными петлями, он открыл ещё два массивных замка на двери в избу. Распахнув дверь, они вошли в дом, затхлый, сырой, зажгли у входа свет — из-под ног с писком брызнуло несколько крыс: это вам «добро пожаловать». Дом представлял собой обычный пятистенок: кухня и комната. Последняя разделена была на две части: спальню и «залу». Выглядел дом совершенно нежилым: стулья и стол перевернуты, матрасы подвешены вертикально, окна заставлены листами оргалита, и холод, как на улице, и главное — сырость вперемешку со стойкими чужими запахами. Из горизонтальных поверхностей были только ледяная русская печь и такая же лежанка. Ребёнка посадить некуда, мягкой и тем более тёплой постели не будет ни у кого.

Недоумённо оглядываясь, они вдруг услышали тяжёлые шаги в сенях. Грохотали сапожищи, людоедские, великанские. Аня с Петей, ища поддержки, впились друг в друга глазами: кто всевидящий, всезнающий, злобно усмехаясь, проследил свысока весь их путь, своим

невмешательством превращая в беспомощных марионеток? Кто позволил им обессилеть от подозрений, страхов и усталости, чтобы явиться, когда они, достигнув цели, посчитали себя в безопасности? Кто сдерживался до самого последнего момента, садистски наслаждаясь оттягиванием неизбежной желанной развязки? За ними приходили вчера ночью и пришли сейчас. Кто это?

Где этот грёбаный архитектор с бабой и ребёнком? Почему и, главное, куда они провалились? Как Она может жить в таких трущобах, такая неземная?

Андрей сам пробьёт их соседей, институт, вот бы только узнать какой, перешерстит распечатку звонков. Что-нибудь непременно выплывет, он не сомневается. Но время его изматывает. У него сил нет её ждать. Раньше надо было её увести у этого чистюли, а не тянуть kota за хвост — честно-нечестно.

Как он всё сам продумал, до мелочей! На обратном пути с дачи Семёныча они от него избавляются. У Андрея появится причина с ней законтачить, розыск организует, утешать будет. Ох, как же он её мечтал утешать! Уж постарался бы, ещё как постарался! Блин! Она что, не понимает: свалив с мужем, подписала себе смертный приговор! Как он её теперь выцарапает, если ей всё известно? Как отмажет её от Вити с Семёнычем?

Эти два тугодума его порядком достали! Ни бизнес вести не способны, ни с людьми разбираться, всё грубо, неумело, как с этим типом с Крюкова канала. Времена меняются, семь лет они вместе нормально работали, но сейчас такое не прокатит. Утянут они его за собой ко дну, если вовремя не спрыгнет или не сдаст.

Что она с ним сделала, чёртова кукла! Вышибив мозги, превратила в быка! Дрянь! Андрей зло стукнул себя кулаком по колену. Аню в мыслях Андрей никогда по имени не называл, только Она. Она может быть одна, но была ещё та, что дома, Алина, идиотка.

Андрей набрал её телефон, услышал высокий девичий голос.

— Слушай сюда, — прервал он её щебетание, — к моему приходу чтобы вещи свои собрала, понятно? Рот закрой, — приказал он в ответ на бесконечные причитания. — Вечером к маме отведу, счастливо найди папика, — и, отодвинув трубку от уха, чтобы не слышать Алининых стенаний, прервал её вторично, — раз не нравится, сама добирайся.

Устал он от её глупостей, маловата для него, а для мужиков после пятидесяти, когда нестойка начинается, — в самый раз. Пусть среди них и промышляет, а ему проще по вызовам.

Раздался звонок; опять эта дура? Звонил Витя, что нужно этой быдлятине? «Быдлятина» требовала явиться в офис.

Глава 9

Дверь в избу широко распахнулась.

— О, а вы кто такие?

Перед Петей и Аней явилось нечто победоносно-оптимистическое, лет шестидесяти-семидесяти, одетое в мужской замызганный пиджак неопределённого цвета, толстые шаровары с оттопыренными коленками, высокие резиновые сапоги; и только цветастое кримпленовое платье под пиджаком да тряпка, обмотанная вокруг головы и съехавшая набок, головной убор, платок в прошлой жизни, говорили, что вошедшая — дама и, может быть, щеголиха в далёком прошлом. Маленькие глазки вошедшей блестели на морщинистом безбровом лице, большой бесформенный пористый нос, разлапистые, как вареники, уши и редкие зубы придавали ей сходство не то с ведьмой, старой хрычовкой, не то с недавним трактористом. Родственники они тут все, что ли?

— А вы кто? — не удержался Петя, подразумевая «какого хрена вы ночью ввалились в чужой дом качать права?»

— Я баба Маня, — нисколько не обидевшись, с достоинством отвечала визитёрша.

— И я Маня, — тихонько проговорила девочка, осмелев и выглянув из-за матери.

— Сладкая ты моя, — всплеснула руками баба Маня, присев и заглянув ей в глаза. — А тебя

как звать? — обратилась она к Ане.

— Аня.

— Таня, значит, Танюха, — обрадовалась старуха, — у меня внучка Танюхой будет.

Аня не стала её поправлять, Таня так Таня, может, для конспирации и лучше. Петя бабку Маню интересовал менее всего, и, узнав его имя, она просто-сердечно выпалила:

— Клавдии Михайловне племянники будете?

— Да, да, племянники, — поспешно подхватил Петя.

— А к нам чего приехали?

— Да вот доктор говорил... свежий воздух... — протянула Аня.

— А, ну здесь поправитесь, поправитесь. Дачники уехали все из-за дождей, — баба Маня поправила головной убор, — молоко у меня будете брать, творог.

— Здорово! — обрадовалась Аня.

— Ну, что стоишь, — прикрикнула на Петю бабка Маня, — в избе холод, за дровами пошли!

— Как, опять в лес? — в испуге вытаращил глаза Петя.

— В лес на кой! Во двор пошли, — приказала она.

— А нам не разрешили дрова жечь.

— Ещё чего! Холод такой, ребёнок малый, — хлопнув дверью, она вышла в сени, быстро, как у себя в доме, нашла впотьмах выключатель, включила свет и спустилась по крутым ступеням во двор, то есть в хозяйственную

часть дома. Петя проследовал за нею.

— Ну, вот, — старуха подняла вверх руку, — вот тут она и висела.

— Кто? — не понял Петя.

— Улита, дочка Колосовой Груни, — пояснила баба Маня. — Мы детьми смотреть бегали. Что столбом стоишь, дрова бери!

Груню Колосову, несмотря на пояснения бабы Мани, Петя не знал. Набрав в тёмном сарае охапку дров, осторожно выбравшись в сени, он решил не развивать на ночь глядя тему Колосовой — ни Груни, ни Улиты. Вывалил с грохотом дрова у плиты, пристроенной к русской печке. Старуха открыла выюшку, взяла кусок берёсты, поместив её в топке среди дров и щепок, и с одной спички зажгла огонь. Те же действия бабка Маня проделала с лежанкой в комнате. Тепло не стало: протопить груды кирпичей, а за ними и дом за один раз невозможно, но огонь придал избе уют и почти жилой вид.

— Ещё столько же прине-сёшь, а когда прогорят, закро-ешь выюшку, — напутствовала старуха. — Да смотри не пере-кали. Эвон основание у печек из брёвен.

И действительно, печи опи-рались на вымазанные известью срубы.

— А русскую печь? — поинте-ресовалась Аня.

— Принеси для неё восемь поленьев, те, что справа, берёзо-вые, — вторично послала Петю она. — Тепла от неё сегодня мно-го не будет. Вы только заслонку не закрывайте, чтоб жар в избу шёл.

Петя в одиночестве прошёл мимо места, где висела несчаст-ная Улита, нашёл дрова, берё-зовые, более чем полуметра дли-ной, а не какие-нибудь куцые полешки.

Получив дрова, старуха ве-лела Ане подойти и запоминать, как надо делать.

— Топить будешь только раз в день, утром, колодцем вот так сложишь в устье, а потом подож-жёшь, — она сложила два поле-на в сторону топки, между ними щепочки и бумагу, последующие три полена поперёк, следующие три ещё вдоль — и подожгла. — Вот смотри, они уже разгоре-лись, берёшь ухват и вот так вот колодец сдвигаешь, — она сдви-нула пылающие дрова в утробу печи, упёршись в торцы нижних бесовскими рогами ухвата.

Аня заглянула в печь: пыла-ющие головешки, потрескивая, освещали свод.

— Готовить надо в два захо-да, — хозяйничая, старуха схва-тила тяжеленную метровую ко-чергу, — сперва суп наполовину свари, потом угли-то раскидай и заслонку закрой. Как прогреет-ся, обратно суп ставь. Чугунок с картошкой так можно.

— Баба Маня, а у вас можно картошку купить?

— Не-а, не уродилась нынче. Да ты лопату возьми и перекопай огород-то, только не их, тут всё чисто.

— Чужой? Не буду.

— Оставляй кабанчиком.

— Каким кабанчиком?

— Из леса.

— Понятно, — Петя предпочёл бы купить.

— А в магазине её можно купить?

— Нету его.

— А вода где? — Аня обнаружила пустой чайник.

— Вёдра бери, покажу, — велела Пете баба Маня.

Найдя перевёрнутые вёдра, скрипя и гроыхая ими при каждом шаге, Петя шагнул со старухой в темноту. Как она в ней ориентировалась, в пустоте, среди теней домов? Тем не менее старуха его привела к колодцу, домовине, открыла её деревянную дверцу, взяла багор и опустила ведро в чёрную бездну. Под землёй раздался всплеск, и она с усилием вытянула полное ведро наверх. Наполнив второе ведро, она вручила его Пете, закрыла колодец и, молча развернувшись, ушла, исчезнув в ночи, откуда и явилась, только стучали, затихая, голенища сапог. Скрипнула дверь в сени и захлопнулась за старухой, над Петей повисла плотная звенящая тишина. Он огляделся: среди

бесконечной темноты затерянного между двух столиц мира тёплым светом горело их окошко. Он заспешил домой, расплескав воду и замочив ноги. Аня тут же поставила чайник, и они принялись снимать подвешенный от крыс матрас. Расправившись с матрасом и постелив на троих постель с простенькими мамиными простынями да наволочками, они уселись за чай с остатками вчерашнего ужина. Добрались!

Постель, о которой мечталось последние несколько часов, оказалась жёстким леденящим ложем: и одеяла, предназначенные согреть, и подушки с комками для сладкого сна, и непрогибаемый матрац имели ту же температуру, что и во всей избе, — ночную, уличную. И прежде чем уснуть в тепле, необходимо нагреть всё то, что укрывает и с чем соприкасаешься.

Перед сном Петя ещё дважды ходил во двор за дровами, почти видя неясные очертания висящей Улиты. Ему даже показалось, что она слегка раскачивается от сквозняка, продувающего двор через бесчисленные щели. Принесённые дрова тепла почти не дали и, потрескивая, лукаво мигали красными углями за ржавыми чугунными заслонками, пуская сноп искр в дымоходы, а оттуда в чёрный звёздный купол неба. Подбрасывая новые дрова поверх прогоревших, слушающая, как, шурша, рассыпаются

от удара угли, в ожидании, когда можно будет закрыть заслонку, Петя решил прилечь рядом с окоченевшей Аней и дочкой. Прижавшись, он слегка согрелся и уснул, канул в сон, через мгновение вывалившись обратно: Аня трясла его за плечо.

— Что это? — зловеще прошептала она.

Петя бездумно уставился на неё, но когда сон окончательно его покинул и нога заболела сильнее, услышал в разных частях дома лёгкий цокающий топот по полу.

— Крысы, — Петя вылез из под одеяла на холод.

Беготня затихла, и стало слышно, как те крысы, что ещё не в доме, пытаясь в него попасть, испуганно грызут его крепкими острыми зубами. Как он мог воевать с этим полчищем? Петя заглянул в чёрные топки печек, закрыл выюшки, чтобы тепло не ушло, и получил указание от Ани убрать еду со стола и из сумки. Он включил на кухне свет: действительно, куски разбросаны по столу, но куда их? Взяв жестяное ведро, стоящее у печки, он сложил еду со стола, а также из сумок — не помещается. Втянув голову в плечи и ёжась от озноба, он выглянул в сени, увидел там небольшую пластиковую бочку, ступая босыми ногами по ледяному полу, выволок её оттуда вместе с найденным тазом. Когда тащил бочку с тазом, думал, что кожа на ноге лопнет от отёка, посмотрел на неё —

слоновья ножка. Мама в таких случаях перематывала ему большое место бинтиком, действовало успокаивающе. Покрутив головой, Петя увидел на гвозде, вбитом в стену, висящие панамки и косынки. Сдёрнув косынку побольше, он перевязал ступню — сразу стало легче, выдохнул и переложил еду в бочку, укрыл сверху тазом и оставил сооружение посреди кухни. Лишь только он добрался до кровати и, пригревшись, затих, крысиная возня возобновилась.

— Кошмар! Я не могу спать! — Аня сердито уселась.

Петя вздохнул:

— Во дворцах всегда крыс было полно, коронованные особы... даже Щелкунчик...

Про Щелкунчика Аня не дослушала, Петя размеренно засопел, сражённый усталостью, напряжённым ожиданием и страхом.

— Завтра что-нибудь придумаю, — неожиданно пообещал он и вновь провалился в сон. Не более чем через час оба они вскочили в кровати от грохота, доносящегося не с пола — с потолка.

— Господи, что это? — сказали почти хором. Они пытались хоть что-либо разглядеть, но было так темно, как если бы им обоим выкололи глаза; луна зашла или затянулась тучами, поэтому свет с улицы не проникал, не было видно ни окон, ни белых печек — ничего, даже очертаний друг друга. И в этой крошечной темноте на чердаке,

над их головами, кипела заворачивающе страшная, неведомая жизнь: слышались топот, прыжки, беготня. Вот, дребезжа ручкой, покатилося ведро, вот звякнуло, разбившись, стекло. На некоторое время всё замерло. Ни звука, ни движения. Тишина и темнота, как во гробе, но гулким колоколом ухнуло что-то металлическое, само по себе, неподвластное кишасцей, омерзительно-утробной неведомой жизни. Когда звон металла затих, необъяснимая возня обрушилась сверху с новой силой.

— Куда мы приехали, — почти расплакалась Аня, — на полу крысы, на чердаке вообще непонятно кто, барабашки, домовые, привидения! Земля обетованная, блин!

— Ну не вурдалаки это, а какие-нибудь ночные животные, безобидные ёжики, например, — но Петя неотвязно думал про Улиту.

— Как твой ёж по лестнице заберётся на чердак?

— Это очень большие ежи, крупные, — Петя всхрипнул и увидел топающих на задних лапах толстенных неповоротливых ежей.

— Петя!

— Слушай, я устал, вчера всю ночь не спал из-за этого уroda с забойщиками.

Аня мгновенно замолчала. Её Андрей назван был уродом, небрежно, мимоходом, с презрением, как неровня, как недо-человек. Но ей не изменить своё

отношение к нему даже после того, что узнала. Её осведомлённость никак не повлияла на её чувства, но попробуй она кому-нибудь в том признаться. Да, она любит, и очень сильно, человека, организовавшего убийство её мужа, её самой и её ребёнка. Но ведь оно не произошло! И кто знает, как развивались бы события, открой она ночью дверь Наташиной квартиры? Может, всё пошло бы не так, как они себе навывдумывали? Она это чувствует, почти знает. Точно, над головой так бы никто не скакал!

— Ну так же спать невозможно! — Аня сердито сидела в кровати, и чем дольше, тем страшнее ей становилось: по полу бегают в разные стороны крысы, толстые, хвостатые, десятками, полчищами, над головами тарарам. А что если свалятся на них эти неизвестные твари, прогрызут потолок, бултыхнутся в кровать, расцарапав когтями лицо Мане, ей, коснутся шершавыми подушечками лап, ударят жёстким волосатым хвостом, вонзят острые мелкие зубы? Или эти твари залезут с пола, карабкаясь по спустившемуся куску простыни, пробегут, утопая тонкими ножками в одеялах, юркнут под них погреться? Аня вздрогнула: как в этом шабаше улечься поудобнее и спокойно уснуть — в новом жилище, начинённом беснующимися вурдалаками, в доме, тонущем в бескрайнем, беспросветно чёрном пустынном ночном океане?

— Все таинственные вещи имеют примитивное объяснение. Ну не ежи это, — прервал её мистическую панику Петя.

— А кто?

— Точно не привидения, они так громко не топают.

— Утешил!

— На чердак я не полезу, у меня нога болит.

— Как маленький! А как я спать буду?

— Правда, очень болит, — в подтверждение своих слов Петя поудобнее улёгся, осторожно передвинув ногу. — Завтра у бабы Мани спросим.

Глава 10

— Спите ещё! — баба Маня предстала в проёме в их спальню. — Так втроём в одной постели и спали? А знаете, — старуха пропала в «зале», — вы оттоманку вот сюда сдвиньте от этого места, дочке кровать будет.

Откуда сдвинуть, куда — было совершенно неясно. Все трое сидели в кровати, уставившись на дверной проём, за которым исчезла старуха. Вскоре она явилась вновь.

«Она что, так и будет в дом как к себе входить?» — с раздражением подумала Аня.

— Дверь в сени у вас настезь, думала, проснулись. Я вам молока утешного принесла, — продолжила баба Маня и, выполнив функцию будильника, развернувшись, ушла на кухню. — Я на стол его поставлю. Оно тёплое

ещё, молоко-то... Ой, чего-то вроде тут соринка кака, — она залезла в банку пальцами, корявыми, жёлто-коричневыми, неспособными отбелиться никаким мылом, не знающими никакого крема, а только грубую ежедневную работу. Впоследствии она не раз проделывала это на глазах изумлённых, интеллигентно молчавших Ани и Пети, видимо, считая это проявлением особой заботы о качестве продаваемого ею товара. — В миске творог. Вставайте! — прокричала она с кухни.

— Подождите, — засуетилась, вскочив, Аня. — Сколько с нас?

— А ты записывай, — старуха, вернувшись в спальню, махнула рукой, — записывай, Танюшка, а в конце месяца заплатишь, сколько насчитаешь.

— Баба Мань, — Петя перевёл разговор в мистическое русло, — не страшно вам одной?

— Не, у нас тихо.

— А кто там ночью на чердаке прыгал?

— А это коты, коты мои, — и, оборвав разговор, она ушла так же внезапно, как и появилась.

— Они каждую ночь к нам приходят скакать будут? — справедливо возмутилась Аня. — Пусть дома скачут.

Но коты, отметившись своим присутствием, больше не появились ни на следующую ночь, ни через неделю.

Дочка потянулась, свежая, отдохнувшая, побежала босиком на кухню.

— Тёпленько, — Маня облепила руками налитую до краёв банку.

— Осторожно, не пролей, — Аня вскочила вслед за дочкой.

«Тапки надо купить всем», — подумала она, шлёпая босиком по ледяному полу.

Взяв столовую ложку, она отчерпала дочке в кружку молоко, налитое в трёхлитровую банку по самую кромку, затем смогла уже налить его в две другие кружки. Маня выпила и, засмеявшись, показала усы, выпятив вперёд губу:

— Ме-е-е-е.

Петя вылез из-под одеяла, развязал косынку на ноге: опухоль заметно спала. Повеселев и перебинтовавшись, он принёс дров и затопил плиту с лежанкой.

Втроём они уселись завтракать: остатки булки, парное молоко, творог. Творог впоследствии старуха им носила с перебоями, зато молоко, трёхлитровую банку, на стол водружала ежедневно. И пока у него не скрутило живот, Петя едва успевал расправиться с предыдущей, стесняясь обидеть старуху отказом. Набравшись храбрости, он взмолился, к его удивлению, старуха не обиделась.

— А я и то думаю: сколько в него влезает. И пьёт, и пьёт, как телок.

С осени до весны, освободившись от присутствия хозяев дома, им полновластно завладели крысы и мыши, рассыпав

до самых укромных уголков сухие чёрные зёрна своих фекалий, клочья бумаги, тряпок и полиэтилена. Всё, что не убиралось в шкафы и тумбы, не закрывалось и не пряталось, — всё отмечалось их присутствием. Чашку забыли на столе — там чёрная метка, куртка упала с гвоздя — погрызли, в открытой бутылке с постным маслом медленно плавают дохлая мышь. Съедобно всё: обувь, газеты, мыло, занавески.

Провозившись с тряпками, ведрами, мётлами, Аня не заметила, как давно прошло время обеда, вручила мужу лопату — иди добывай. И среди вывороченной земли, под мелким занудным осенним дождём, с лопатой и ведром, Петя чернел вопрошительным знаком: «За что?» Промокнув, перекопав огород матери Виталия и незаконно два соседских, перемахнув через изгороди, он выудил неполное ведро картошки, три свёклины и пять морковок.

Обед представлял собой вечерние обеды и картошку с солью, даже без постного масла, послужившего последним прибежищем серенькой мышке, плавающей в прозрачной бутылке. С обеда и до сна они поглощены были устройством нехитрого быта. Отгоманку задвинули в спальню, двуспальная кровать выехала в «залу», таким образом, у Мани появилась своя комната, где её можно пораньше уложить спать. С чердака выудили нищенскую деревенскую

роскошь — тканые половики, ветхие, блёклые и узенькие-преузенькие из-за нехватки и дороговизны ниток и тряпок. Замочили в бочке для полива в остатках стирального порошка, нагревая чайником воду, чтобы разбавить холодную из реки.

Не раз Петя, топая, сбегал по крутой лестнице с чердака, восхищённо демонстрируя Ане извлечённый артефакт, не заинтересовавший антиквара Виталия: чугунок, сломанную прялку, продранный невод и даже пару лаптей. Засыпанные трухой, судя по размеру, женские, они принадлежали, вероятно, таинственной Груне Колосовой. И стоптала их Груня по дорогам и ухабам так, что образовавшуюся дыру от пятки до носка в одном из лаптей из бережливости пришлось закрыть самодельной картонной стелькой с зеркальным отпечатком: «Алгебра. Часть вторая». Пригодилась математика-то селянам. А что случилось с «Частью первой» и почему отписк зеркальный? Но тайну лаптя владелица унесла за собой в могилу.

К вечеру советский интерьер избы, с полированными стенками и тумбами, обзавёлся этночертами, штучными экземплярами, предметами убогого быта нескольких поколений колхозной голытьбы, приобретёнными нечеловеческим трудом и заброшенными впоследствии за

ненадобностью пылиться на чердак. Петя аккуратно очистил от обоев и краски крюк, ввёрнутый в потолок, — не одно поколение семейства Колосовых на заре своей жизни качалось в зыбке, висящей на нём: и безымянный супруг Груни Колосовой, отец несчастной Улиты, и сама Улита, нашедшая пристанище на другом крюке, и многочисленные их братья и сёстры.

В хлеву Петя обнаружил картину неизвестного автора-самоучки, подлинник, так сказать. Послевоенная живопись, в которую трансформировался дореволюционный лубок. Крепко запала на такие художества израненная душа российского крестьянства. Пользующиеся большим спросом, покупаемые на колхозных рынках и в коопах картины повествовали о недостижимо прекрасной жизни и писались яркими оптимистичными красками — гуашь по картону, залитые лаком для нарядного блеска и прочности.

— Ну да, не Левитан, — вымытый и очищенный от птичьего помёта и не только шедевр Петя повесил на один из нескольких десятков торчащих из стены гвоздей. — Зато обрати внимание на композицию! А! Полотно со смыслом! И как Виталий на него глаз не положил?

Все элементы композиции имели свою пару: чета оленей вышла на берег озера, где по две

росли берёзы и неизвестные природе цветы, вдали виднелись два белых паруса, над ними две чайки, далее горы, напоминающие упругие женские груди, конечно же, две.

А как, думалось Пете и Ане, будет замечательно, когда высохнут выстиранные половики, когда их растянут по избе для красоты и немножко для тепла, когда разложат недогрызенные крысами кипенные кружевные скатёрки и накидки, в щёлке бученные, на снегу выбеленные рудименты разночинной дореволюционной моды, сохранившейся в деревне! Старый, почти фольклорный уклад жизни, единственным хранителем которого до своих последних дней была полуграмотная старуха, рождённая уже в советское время, вызывал у Пети с Аней почти благоговение. Здесь каждый взгляд натёкался на ожившие иллюстрации к сказкам: бревенчатые избы, гуси, летящие по небу, печка без колобка, густой тёмный лес с вывороченными с корнями деревьями — граница мира, корова на лугу. Здесь воду носили на коромыслах, сено сгребали в стога, как при каком-нибудь Алексее Михайловиче, и главным помощником человеку служила лошадь.

Из этой деревни, как и из тысяч других, получив от Никиты Сергеевича паспорта, роём вылетели все, кто мог, прочь, на фиг

от таких традиционных ценностей и строительства социализма на селе, обрушившись на город, утопив его в своих привычках, первобытной бытовой культуре и местном говоре.

У Пети с Аней началась новая жизнь: вода в колодце, картошка бесхозная в чужом огороде, грибы в лесу, рыба в реке, макароны с хлебом через реку за полтора километра в магазине, а что посытнее — в сетевом супермаркете за тридцать километров на трассе.

На второй день пребывания в деревне они всем семейством собрались в магазин за реку. Взяли деньги, взяли сумки, взяли из сарая вёсла. Хозяйская лодка, как и прочие, поднятая на зиму на берег повыше и подальше от реки, лежала на козлах кверху килем. Петя перевернул её, тяжеленную, склёпанную из дюраля и, вразрез здравому смыслу, широкую, как корыто. Упираясь, потащил вниз к воде, отдышавшись на середине пути. Держа дочку за руку, Аня стояла у самой воды: сапоги надо купить всем. Как влезть в лодку и не замочить ноги, не запачкать? Опасность заключается в том, что когда одна нога на берегу, а вторая в лодке, то лодка уплываёт, а ноги разъезжаются.

Аня подняла взгляд: река быстро несла мимо неё свои воды, прозрачная от холода, с рыбками, неотличимыми по цвету от

дна. Поверх рыбёшек острыми лодочками плыли опавшие листья ивы вслед за пухлым утренним туманом, пронизанным лучами низкого осеннего солнца. Кустарник на противоположном берегу поредел и однообразно пожелтел, за ним через поле вязы контрастировали друг с другом бурой, багряно-болотной, тепло-жёлтой шершавой листвой. За вязами в гору поднимались тёмно-зелёные ели. Два круглых просвета в их ниспадающих лапах образовывали хмурые глаза, а засохший, обросший сизым лишайником остов ели между ними — нос. Тесно подступившие кроны других деревьев прятали завораживающе-страшный рот лесного чудовища.

— Помоги мне сесть, — опираясь на руку Пети, Аня ступила в лодку. — Краски надо купить и кисти.

— Хороших не купишь.

— Ничего, я для кисти твой чуб срежу.

— Если родишь шедевр, я согласен.

— Блин, тут такая красота, вдаль можно смотреть, а не в соседний дом, а мы вчера то ели, то мыли, то убирали! — всё ещё не садясь, Аня восторженно оглядывалась.

Выход в свет, в сельпо, ознаменовался покупкой неимоверного количества бакалеи и тремя морожеными (всем разное, исходя из желаний). Домой возвращались как с праздника, и

картошку теперь можно жарить на постном масле, а если ещё собирать грибков, разноцветных сыроежек...

Глава 11

В воскресенье дождь принялся лить ещё с ночи, Анины родители сели в электричку и поехали «гулять» в Павловск, подальше от дома. Гулять необходимо с 12 до 15, ещё плюс-минус, это в худшем случае.

Дождевые капли шумели в листве над головою, стучали по куполу зонта, исчезали в гравии парковых дорожек, решетили медленные воды Славянки, образуя на поверхности частые расходящиеся круги, поднимая вверх встречные брызги в центре. Беломраморная купальщица, застигнутая врасплох посреди пруда в окружении отцветших ирисов и пучков тростника, пыталась ниспадающей драпировкой прикрыть восхитительно безупречное тело, и несгибаемый несчастный император утвердительно застыл в бронзе, опираясь на предательски тонкую трость. Дождь не пустил гуляющих в парк, и только две фигуры под зонтами печально шуршали опавшими листьями, вызывая почти левитановские ассоциации.

Если отец Ани все прошедшие дни внешне никак не проявлял внутреннего напряжения (лекции — чёткие, выводы — логичные, формулировки — безу-

пречные), если дома при жене, приняв роль опоры, он не позволял себе раскисать, то оставшись один, запершись в ванной или усевшись на горшок, сдувался, как баллон с воздухом, затем собирался с духом, выходил, демонстрируя спокойствие и уверенность.

Наталья Сергеевна с момента, когда распрощалась с дочерью, когда она побежала прочь от них, ежесекундно, поминутно ожидала дурную весть, когда голова её расколется от невозможности её принять, и только крик, истошный, выворачивающий внутренности, способен принести облегчение, лишив сознания и памяти. Даже присланное СМС не смогло её надолго расслабить. Сотни раз она мысленно брала телефон в руки и звонила, и воображаемый голос дочери убеждал, что волнения напрасны, беда миновала, но связи нет, и праздный звонок слишком опасен. Но как ждать, когда нет сил?

Воскресным утром и она, и муж погрузились в изнуряющее ожидание. Телефон зазвенел в 12.10, и они узнали, как всё замечательно: и дом тёплый, с печками, и Машенька получает хорошее питание, особенно кальция в твороге, и свежий воздух, и лес, и тишина. Прогулка окончена, можно не мокнуть, договорились слать СМС раз в неделю.

В воскресенье на утреннем автобусе втроём они отправились за покупками. Около часа

автобус трясся по грунтовой дороге, проходящей через лес, а когда вынырнул, пересёк шоссе, связывающее две столицы, и вернулся у автостанции — будки, неряшливо, с кляксами цемента, сложенной из серого кирпича. Зал ожидания её не вмещал желающих добраться до расположенных в неизвестно какой глуши мест, никогда не слышимых ранее, порой труднопроизносимых, с загадочными ударениями. Отъезжающие в терпеливом оцепенении ожидали своих рейсов на улице, кто на ящиках, кто под навесом заваленной мусором остановки, кто на сколоченной лавке, кто просто стоял, кто-то с кровавой ваткой во рту после вырванного зуба, кто-то ехал к снохе, к троюродной племяннице тётки матери, кто-то подальше в лес за грибами, кто-то пристроился вдалеке, на скамейке у администрации, и, держа на коленях холщовый мешок с порошком, почёсывал хрюкающему в темноте малыша крутой упругий бочок, чтобы тот не визжал, не уделался от страха и, выпущенный на волю в избе, цокал копытцами, пританцовывая вокруг тёплой печки, пока не подрастёт.

В городке, выросшем из облепивших ямскую станцию домиков, была и церковь, превращённая в кинотеатр, с афишей «детям до 16-ти», и просто церковь, и деревянные дома с баньками, палисадами и огородами, и каменные и полуквадратные двухэтажные

домики, успевшие вырасти до появления Николаевской железной дороги. И отцветали за заборами раскисшие от непогоды золотые шары и георгины, и выросли на тропинках вдоль дорог из оброненных сороками и дроздами ягод охапки кустов калины с горькими полупрозрачными дольками, теснились кусты бузины с изумрудными листьями, с тёмно-красным горохом ягод, и скрывались за пожелтевшими липами и покрасневшими черёмухами замшелые черепичные крыши сарайчиков, и берёза, раскачивая прядями, сыпала мелкие жёлтые листья перед вросшим в землю двухэтажным, оштукатуренным в десятки слоёв домиком с незатейливой провинциальной лепниной. В лужах сияли сошедшие на землю небеса, где от края до края плыли облака, и звонкое кукареканье, отмеряющее неспешное течение жизни, перекрывало робкое блеяние овец и густое мычание коров. То ли городок, то ли деревня. Маленькое, щемящее.

Аня с Петей и Маней уезжали к себе, как с ярмарки, довольные, с обновлениями для всей семьи: тапки купили, резиновые сапоги, да ещё и тёплые галоши, и одежду, в которой в лес ходить, грязь месить, в лодку залезать, да и не жалко выбросить, — в общем, приделались. Ещё еды им теперь хватит на неделю или больше, причём такой, какую раньше старались не покупать.

По телефону родителям Аня прошебетала, что дождь у них закончился, что в городке сохранилось несколько зданий первой трети девятнадцатого века. Затем по степени убывания важности было поведено про корову, тёплую печь и отсутствие людей.

Когда они вылезали напротив дома из лодки, их радостно встретил незнакомый мужик.

— А, вот вы где! — чёрный ватник уголовника, чёрные брюки и шапочка до бровей не внушали ничего хорошего.

Петя сел. Только боязнь оставить в заложниках семью заставила его не броситься из лодки в холодную воду, сажёнками, вплавь, в джинсах, в новой куртке и новых блестящих сапогах. Решив грести по течению и высадиться где-нибудь в лесу на противоположном берегу, где их никто не найдёт, Петя медленно взялся за вёсла. Мужик всё улыбался.

— Ну, вот и познакомились, мы во-о-он в том доме живём, — он махнул рукой в противоположный конец деревни. — А вы отдыхать приехали?

Петя размяк и замямлил про здоровье, мужик хохотнул.

— А я тоже астматик, второй год здесь лечусь, — он подмигнул. — Михаил, — представился он, — как вас звать, мне баба Маня сказала. Ленка моя запаздывает, на рыбалку едем. Вы в кинга играете?

— Нет, — удалось вставить в его поток слов.

— Научим. Вечером приходите, — Михаил засмеялся, его было слишком много.

— Так у нас ребёнок, оставлять одного... — Аня не выдерживала такого напора.

— Тогда мы к вам придём после девяти... в девять тридцать, договорились?

Но ни Аня, ни Петя с ним ни о чём не договаривались, сдавшись, не в силах противиться его мощному напору. В ожидании нашествия Маню уложили пораньше, и она быстро уснула, утомлённая новыми впечатлениями. Закрыли дверь в её спальню и в «залу», сидели на кухне, в бабьем куте. У обоих в голове крутилась одна и та же мысль: они к нам каждый день будут ходить?

Новые знакомые, изголодавшись по общению, притащились ровно в девять тридцать. Ленка с ходу бухнула на стол противень с пирогом, Мишка, держа за горлышко бутылку, водрузил её на стол вместе с литровой банкой огурцов.

— Всё своё, — похвастался он.

Чем могла удивить Аня гостей? Чёрствыми баранками, купленными вчера в сельпо, ну разве что селёдкой под самодельное пойло, но скудный приём остался незамеченным, Мишку с Ленкой прорвало, и до кинга дело не дошло.

— Вы сами из Питера?

Аня с Петей молча кивнули.

— А я из Новгорода Великого, а представляете, Ленка из Нижнего! Судьба! Встретились в Москве!

Поскольку тема коллективной астмы Мишкой более не поднималась, создавалось впечатление, что бросил он столицу по собственной воле, из любви к природе и сельскому хозяйству.

— У меня картоха вот такая, — Мишка демонстрировал крепко сжатый кулачок, сухонький, как и он сам. — У них у всех горох, потому что не по науке, даром что навоз и зола.

Далее Мишка поведал про вязанки лука, теплицы с огурцами, помидорами и перцами, и что как только сходит снег, он высаживает в них редиску, укроп и салат, что побыстрее растёт, и во время весеннего авитаминоза у него своя зелень, сочная, холодная.

— Три урожая снимаю за год в теплицах, три! Начинаю с укропа и редиски, — далее шло повествование о количестве закатываемых Ленкой банок.

— Вам бы в погреб наш заглянуть — музей! Вы мой самогон попробуйте, попробуйте! Двойная очистка, этот вот настаивался на дубовой коре, а дома есть ещё и на хрене, — Мишка разливал самогон по стопкам, вскочил, собственноручно вытащил из хозяйского буфета миску, вывалил в неё солёные огурцы. — Вы только попробуйте! Чистейший! А?

С самогоном у Ани были сложные отношения, точнее, их не было вовсе. Как-то молдавские рабочие из самых лучших побуждений подарили Пете свой, домашний. Налит он был в пластиковую бутылку «Аква Минерале». Не афишируя презент, Петя оставил его в холодильнике, предвкушая прикладываться перед ужином. Жарким летним днём Аня, вернувшись домой, с размаху хлопнула стаканчик холодной «водички», запоздало почувствовав тошнотворный вкус сивушных масел. Повторять, хоть и в компании, не хотелось, но желание не конфликтовать и не обидеть гостей перевешивало.

Самогон оказался именно таким, каким расписывал его Мишка, — отменным. После такого самогона невозможно было с чувством не крякнуть и не закусить огурчиком, пахнущим чесноком и укропом.

— Ленка солила, — он смачно хрумкал огурцом. — А какие у неё наливочки... — Мишка, закатив глаза, покачал головой.

Ленка, дотоле молчавшая, томным грудным голосом предложила пирог с рисом и яйцом. «Экономвариант», — подумала Аня, раздражаясь, что пришли гости со своим самоваром и накормили хозяев.

— Слушай, какое тесто у тебя пышное! — съеденный кусок растопил Анино сердце.

— Это потому, что в русской печке, в духовке так не пропе-

кается, — Ленка и сама была пышная и белая, как её тесто. Черты лица её напоминали Анины: распахнутые светлые глаза, пухлые губы, аккуратный нос-картошечка — эдакая кукла Барби, но всё сочнее, зрелее. Её щёки округлее, рот и нос крупнее, грудь больше, плечи мягче, кожа белее, голос гуще и ниже. Она как подошедшее тесто, вываливающееся наружу, как сдобная булка, которую так и тянет надкусить, вдыхая свежеспечённый аромат, как взбитая подушка, как пуховая перина, которую хочется обнять, наслаждаясь мягкостью. Казалось, и самой Ленке было уютно в своей полноте, в том, как она сидит, облокотившись на стол, или как прячет подбородок в высокий ворот свитера, обтягивающий шею. И то, что она пекла своему тощему Мишке через день пироги, которому они не в коня корм, сушила и солила грибы, варила варенье, делало её ещё мягче и домашнее, а небрежно, не глядя в зеркало, завязанные на макушке в рыхлый пучок волосы и выбившиеся светлые пушистые пряди вызвали нескромные мысли о жаркой мягкой постели.

Петя глядел на неё, открыв рот, Ленка была той же Аней, но без углов, сглаженной.

Аня сникла, привыкнув быть всегда в центре, чувствовала, что проигрывает ей во всём, даже в том, что состригла волосы, перекрасив их в рыжий цвет.

Ленка Петиноного раскрытого рта не замечала, как и неуверенности Ани: слишком полные друг другом и той новой жизнью, которую им пришлось вести, они с Мишкой наперебой говорили, говорили только о себе и своём хозяйстве.

— Я ещё не пробовала печь, только три дня здесь, — оправдывалась Аня.

— Печь должна быть тёплая, — прогудела Ленка, — накануне протопить надо, а то не пропекутся пироги.

— Раньше печи не остывали, — Мишка и здесь молчать не мог, — готовили один раз в день на всю семью, человек на десять, ещё на скотину. Заставляли горшками под завязку.

— Это и есть русская кухня? Ну и вонь же тут стояла, особенно летом! — поморщилась Аня.

Глава 12

Совместные посиделки вошли в привычку, — без самогона, с чаем, за кингом, козлом, подкидным и даже степенным бабушкиным лото, пока не обнаружился серьёзный некомплект деревянных бочонков, гремящих в холщовом мешочке. Ристалища происходили ближе к вечеру, чтобы не выходить в кромешной тьме из тёплого дома на улицу, не идти из одного конца деревни в другой в дёргающемся в такт шагам узком жёлтом секторе фонарика, за которым не различить ни человека, ни зверя.

Они сдружились: одного возраста, укрывшись в глуши, они боялись одного и того же, желали, чтоб о них забыли, мужья — мишени, жёны — заложницы. Они не могли поехать, куда хотели, ни сегодня, ни завтра, их выбор места заточения был сделан осознанно, и оно любовно обустроивалось. Тихо и незаметно они могли перебежать в другое место, имеющее мало-заметное преимущество перед первым, и затаиться уже там, не возобновляя оборванные связи с внешним миром и чуть расширив границы.

По совету Мишки Петя обзавёлся рыболовными снастями. Вдвоём они рыбачили с Мишкиной моторки, уплывая то вверх, то вниз по течению, крутя катушки с разных концов лодки. Лес рос справа и слева, и если редкое солнце пробивалось сквозь тучи, то выхватывало, рельефно обозначая, каждую его крону или, скользя на закате по верхушкам, добавляло им золотистых осенних красок, но чаще дождь, мелкий, осенний, засыпал и реку, и мокрую траву по берегам, и две согнутые спины с удочками.

— Я бы мог сеточку поставить, но мне неинтересно. Азарта нет, — и Мишка увлечённо молотил камнем по крючку, добываясь одному ему известной формы.

С Петей они вместе копали червей, держали их в продырявленных металлических банках с землёй, нанизывали приманку, вытирали грязные руки о

колени, ловили живцов, ставили донки и перемёты. Нередко, уплывая далеко, к заветным потаённым ямам, они возвращались на вёслах с кровавыми мозолями от тщетных попыток завести заглохший мотор. В Мишке Петя обрёл всё то, чего лишён был в далёком безотцовском детстве: простую мужскую дружбу. Он не замечал его ошибок, не только обычных «ложат» и «могём», но и достаточно оригинальных «темнает» и «просрачить» — в смысле «опоздать». Даже интерьер его избы, где дорогие обои волнами приклеены к бревенчатым стенам и разлапистая, обитая велюром мягкая мебель загромождала пространство, вызывал не профессиональное осуждение, а улыбку, как и элементы «а-ля рюс» родом из новгородных детских утренников: буфет и шкаф из нарочито грубого дерева и коряг.

Петя терялся в догадках о причине Мишкиного бегства, довольствуясь малым, тот легче отдавал, чем брал, причём спонтанно. Раз — отдал и забыл, мне не надо. Кому он мог наследить? Если только влипнуть по неосторожности и необдуманности. Или тоже свидетель? Он пытался представить, как сложатся их отношения, когда у каждого закончится вынужденная изоляция, но не мог. Не видел он его рядом с собой, среди своего рафинированного окружения, но терять не хотел.

Как-то раз, проведя полдня на рыбалке, Мишка поймал трёх судачков, Петя — ноль, и это с одной лодки.

— Бери вот этого, — Мишка покровительственно протянул Пете среднюю по величине рыбу, — а то перед Танькой стыдно. Нам с Ленкой хватит, в реке рыбы навалом, — и он засмеялся.

Петя помялся немного, но рыбку забрал, в дом, как свой трофей, принёс и зажаренную скушал. Превосходство Ленки с Мишкой чувствовалось во всём: они давно здесь по-хозяйски и уютно устроились, но главное, что у них было, — это машина, иномарка, и они нередко подбрасывали Аню с Петей за продуктами.

Как и сотни лет назад, пища, довольно простая, и способы её получения стали единственной заботой в их новой деревенской жизни. Это напоминало то, ради чего рождались целые поколения безымянных и неизвестных, появляясь на свет подальше от сглаза, в бане, конюшне, хлеву, падая на замёрзший навоз, живших, как росла трава, не в силах оторвать взгляд от кормящей их земли и обратить его на небо. И после отмеренного свыше срока, незаметно, как и пришли, они зарывались в землю. Круг жизни замыкался, заботы и думы о пище земной в земле обрывались. Всё! Отмаялись! Отстрадались! Бугорки их исчезали, за-

растая травой, мхом, деревьями, дома гнивали, сторали, перебирались, перевозились. Кто жил, где, сколько народу — не узнать. И не уйти с веками проторённой колеи, даже девчужке, почти ребёнку, с замиранием поймавшей заинтересованный взгляд, и не просто мужика — господина, или военного, или простого фабричного в блестящих сапогах гармошкой. Всё предопределено: свадьба с сивухой, несколькими видами каш и пирогов, тупая беременность, и роды, роды, роды, и ещё нищета с непреходящими думами о хлебе насущном.

Самый значимый след в истории Петиной деревни оставила Улита, прославившись тем, что повесилась. Тихоней росла, скромницей и молчуньей, беленькая и кудрявая, как овечка, всё глаз не могла поднять от стеснительности. Был у неё жених, один с матерью жил, в конце войны забрали, и писала ему Улита на фронт бесхитростные и безграмотные письма, он отвечал ей такими же, полными любви и ошибок. В колхоз прислали нового председателя, но не столько радел он об урожае, сколько баб принялся метить, ни одну не упускал. А что поделать? Партийный, начальник! Кого припугнёт, кого за трудодни уговорит и обманет, кого просто прижмёт и топчет. Председательша его на мужнины шашни глаза закрывала, важная ходила,

что королевишна. Запал начальственный блудодей на Улиту, мать ни на шаг её от себя не отпускала, да, видно, не уберегла. Повесилась бедная, когда живот уже на нос лез. Груня, мать её, выла на всю деревню. Жених с войны вернулся с одной ногой. Ни невеста его не дождалась, ни мать его, так он в тот же день ушёл, а куда, одному Богу известно. На Петра и Павла, когда ночи тёмные сделались, дом у председателя загорелся. Петром председателя звали. Так смех и грех, выскочил, дурак, в одних подштанниках и с партбилетом в руках, волоса опалённые дыбом, за ним председательша с детишками. Правда, сиротку, племянку, то ли забыли, то ли не смогли вытащить, но он бы всё равно потом помер, болел часто.

Так до вечера председатель и ходил в драном исподнем, потом его кое-как сердобольные бабы приодели, срам прикрыли. Вот кто дом его поджёт? Мужиков мало вернулось. Может, и они: половина ребятишек в округе на председателя походила. Может, сама Груня или жених Улитин. Бабы, правда, говорили, что следы видели на пыльной дороге: один от ноги, другой — вмятина круглая от деревяшки. Получил-таки кобель чёрную метку от одногого.

Но есть справедливость на свете, а потому дожил председатель

до глубокой старости, но из ума выжил совсем, был оставлен детьми и умер в интернете.

— Что расселись на яге, хватайте мастинки! Эвон на бору сухоножек скоко! — прикрикнула как-то бабка Маня, поочерёдно принося в дом Пети с Аней то молоко, то сметану с творогом на завтрак.

Ребята переглянулись.

— Ты что-нибудь поняла?

Но уже через пару часов они увидели старуху, выходящую из леса, с коромыслом и вёдрами, полными горькушек.

Горькушки росли в бору. Рыжие, они терялись среди упавших кусков сосновой коры и, рассыпавшись на мху, глубоко уходили вниз своими крепкими сочными ножками. Маня бега-

ла с корзинкой от гриба к грибу, выуживая их, с маленькой шляпкой, с ножкой, теряющей к основанию свой цвет, с прилипшими кудрявыми волосинками мха, полными влаги. «Что там ребёнок бормочет? — Аня прислушалась. — Кустик за кустик, деревцо за деревцо...»

Собранные горы грибов они очистили от земли и мха, высыпав в пустую бочку для полива, и залили водой. Три дня они меняли воду — от коричневатой, с ошмётками грибов, до прозрачной; затем слоями пересыпали солью, выкладывая слои веток смородины и листьев хрена.

— Едой на зиму запаслись, — Петя с удовлетворением любовался ведром грибов под гнётом, с хвоинками, листиками и прочими приветами из леса.

(Продолжение следует)

Примечания

*ПУХТО — пункт утилизации и хранения твёрдых отходов (большой контейнер для мусора).

*Васька — Васильевский остров.

*Он пойдёт по пустынным улицам до Техноложки — станции метро «Технологический институт».

*Угол 4-й — на Васильевском острове значительная часть улиц называется линиями, правые и левые стороны которых имеют порядковые номера.